

А.В. КРЫЛОВ, А.В. ФЕДОРЧЕНКО

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

*Крылов Александр Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник
Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО МИД России,
профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: avkrylov2004@mail.ru*

*Федорченко Андрей Васильевич, д.э.н., директор Центра
ближневосточных исследований ИМИ МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: a.fedorchenko@inno.mgimo.ru*

Аннотация

В статье анализируются основные тенденции, определяющие динамику трансформационных процессов и будущее всего ближневосточного региона. Прогнозируемые сценарии развития рассматриваются через призму российских внешнеполитических и стратегических интересов.

Стала еще более очевидна нежизнеспособность американской схемы нового мирового порядка, в том числе на Ближнем Востоке. Усиление исламских радикальных организаций и расширение ареала их деятельности связаны именно с приходом к власти администрации Б. Обамы. В Ираке, Сирии прежнее противостояние вошло в новую стадию и приобрело еще большую остроту. В 2014 г. «Исламское государство» (ИГ) начало широкомасштабную экспансию, в результате кровопролитных боев часть территории этих стран перешла под контроль исламистов. Эффективность борьбы с ИГ обусловлена сочетанием политических, военных, экономических и социальных мер. Кроме того, она должна быть скоординирована в международном плане. Положительные результаты может принести координация антитеррористической деятельности России со странами Запада и Востока.

Урегулирование палестино-израильского конфликта зашло в тупик. Принципиальное нежелание правительств, возглавляемых Б. Нетаньяху, идти на какие-либо уступки палестинцам в итоге привело к предсказуемому всплеску насилия между конфликтующими сторонами осенью 2015 г., который многие политические обозреватели и аналитики связывают с началом третьей интифады.

В глубине обществ аравийских монархий происходят сложные социально-экономические процессы. В ряде стран ССАГЗ довольно остро стоит проблема престолонаследия, так как здесь абсолютные или абсолютные теократические монархии переживают период смены поколений. На юге Аравийского полуострова – в Йемене оценка современной сложной ситуации

позволяет предположить, что наименее болезненный выход для Йемена – федерализация. В заключительной части статьи рассматривается еще на один вызов государствам Ближнего Востока – системное отставание стран региона в экономическом развитии.

Ключевые слова: Ближний Восток, ближневосточное урегулирование, «арабская весна», радикальный ислам, Сирия, Ирак, Ливия, Египет, Аравийские монархии, Йемен, Израиль, территории, контролируемые Палестинской национальной администрацией, экономика стран Ближнего Востока.

Ближний Восток давно является зоной повышенной конфликтности. Но еще в конце минувшего века мало кто мог предвидеть, насколько ситуация там обострится в начале нынешнего столетия. Как 2014-й, так и 2015-й гг. не принесли нормализации обстановки в тех странах региона, которые живут в условиях перманентных конфликтов. Информация, поступающая из многих стран региона, по-прежнему напоминали фронтовые сводки. В Ираке и Сирии прежнее противостояние вошло в новую стадию и приобрело еще большую остроту. В 2014 г. «Исламское государство» (ИГ) начало широкомасштабную экспансию, в результате кровопролитных боев часть территории этих стран перешла под контроль исламистов.

В Ливии нарастал сепаратизм, велись бои между правительственными силами и отрядами исламистов, возрастало влияние ИГ. В Египте и Судане центральные власти противостояли политической и военной оппозиции, время от времени заключая соглашения о перемирии. Исламистские группировки в Египте постоянно пытались организовать массовые антиправительственные выступления. В Йемене исламисты терпели поражения – повстанцы-хауситы в результате своего полугодичного наступления установили контроль не только над севером, но и над западной частью страны, вышли к Красному морю, захватили столицу Сану. Это вызвало в ответ международную карательную экспедицию во главе с Саудовской Аравией.

Внутренние противоречия обострялись на фоне усиления противоборства между отдельными странами – Саудовской Аравией (далее КСА – Королевство Саудовская Аравия) и Ираном, Турцией и Сирией, между двумя Суданами, Израилем и палестинскими территориями. Летом 2014 г. вспыхнули военные действия в приграничных районах между Израилем и сектором Газа. В ответ на ракетные обстрелы своей территории Израиль в течение 50 дней вел в Газе военную операцию «Рубеж обороны». Процесс урегулирования палестино-израильского конфликта зашел в тупик.

Годы «арабской весны» показали, что западные страны по-прежнему пытаются использовать геополитические сдвиги в этом регионе в своих целях, в том числе для *пересмотра послевоенной международной правовой системы*.

Прогноз Центра ближневосточных исследований относительно того, что международные границы, в значительной мере определенные 100 лет назад европейскими метрополиями, вполне могут поменять свою конфигурацию после того, как де-факто или де-юре появятся новые государственные или автономные образования, – увы – сбывается [8]. По крайней мере, в Ливии, Сирии, Йемене опасность дезинтеграции сохранилась, а возможность образования так называемого Суннистана на территории Ирака и Сирии начала реализовываться в форме создания «Исламского государства».

КРИЗИС БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ США

Нежизнеспособность американской схемы нового мирового порядка, в том числе на Ближнем Востоке, становится все более очевидной. Если абстрагироваться от деталей, эта схема предполагает три этапа: сначала смена режима, по тем или иным причинам не устраивающего Запад; затем «построение новой нации» на данной территории – нации, лояльной США и их союзникам; и на заключительном этапе – начало экономических и социальных преобразования. Для любого, кто хотя бы в общих чертах знаком с историей и современностью ближневосточного региона, очевидна контрпродуктивность и иллюзорность такого подхода. Обострение внутривосточных и международных конфликтов на Ближнем Востоке это подтверждает.

Кризис ближневосточной политики США становится все более несомненным. Любая инициатива, любое действие, исходящее от администрации Б. Обамы, неминуемо влечет за

собой непредсказуемые и при этом негативные последствия. Так, скроенный по натовскому сценарию план «демократического» развития Ливии после свержения М. Каддафи трещит по швам. После линчевания вооружённой толпой американского посла, кстати во многом несущего ответственность за подготовку и вооружение местной оппозиции, а также ещё трёх граждан США в Бенгази 12 сентября 2012 г., даже западные эксперты вынуждены были признать, что воцарившаяся в Ливии обстановка безвластия и хаоса провоцирует раскручивание ситуации по наихудшему, сомалийскому, сценарию [16]. Правительство не только не контролирует ситуацию в стране, но не может обеспечить даже собственной безопасности. На территории Ливии действуют целые армии (!), которые состоят из военизированных формирований, насчитывающих многие сотни тысяч боевиков. Контингенты террористов и тонны оружия вывозятся из Ливии в горячие точки Северной Африки и Ближнего Востока. Богатейшие нефтяные месторождения, которые стремились поставить под свой контроль страны НАТО, участвовавшие в бомбардировках с воздуха ливийских городов, контролируются ныне радикальными исламистами, племенными ополчениями и контрабандистами, которые вывозят по нелегальным каналам миллионы баррелей нефти.

В 2012 г. США поддержали низложение президента Х. Мубарака и приход к власти в Египте «Братьев-мусульман». Более 150 млн долл. было потрачено американскими политтехнологами на организацию массовых выступлений исламистов и оппозиционеров из различных неправительственных организаций с целью устранения египетского президента¹. Однако краткосрочный период пребывания у власти «Братьев-мусульман» более чем убедительно доказал, что США допустили очередную ошибку, сделав ставку на партию, которая не имела опыта государственного управления и по этой причине была отнюдь не демократическим путем стремительно устранена влиятельной армейской верхушкой во главе с генералом Абдель Фаттахом ас-Сиси. Заигрывание американской дипломатии с египетскими исламистами лишний раз показало, насколько опасны такие геополитические эксперименты. Египет был в шаге от гуманитарной катастрофы, которую мы наблюдаем сейчас в Ливии, Сирии и Ираке.

В Ираке полным ходом идет гражданская война. Американское вторжение в 2003 г. нарушило сложившийся в течение длительного периода баланс политических, конфессиональных и этнических сил страны. Задуманные американскими политологами «демократические преобразования», в том числе и скомпонованное по указке американских инструкторов и советников марионеточное правительство аль-Малики, в одночасье рассыпались, как картонный домик. Пришедшее ему на смену правительство аль-Абади объективно не способно стабилизировать ситуацию в стране и тем более – противостоять подбигающимся к Багдаду сторонникам возрождения средневекового халифата.

Подводя итог ближневосточной политике администрации Б. Обамы, известный американский политический обозреватель Росс Дозет отметил в *The New York Times*: «С уверенностью можно констатировать, что термин “провал” точнее всего характеризует суть внешней политики США в регионе» [10]. Далее в своей статье он доказывает, что все инициативы, выдвинутые Белым домом на ближневосточном направлении, включая избранные стратегию и приоритеты, потерпели фиаско. Р. Дозет делает весьма неутешительный вывод, что внешнюю политику Барака Обамы будут, скорее всего, оценивать всего лишь несколькими словами: «По крайней мере, он не вторгся в Ирак». Словно опровергая этот вывод американского аналитика, администрация Б. Обамы уже в августе 2014 г. санкционировала нанесение ракетно-бомбовых ударов по позициям боевиков из «Исламского государства» в Ираке и Сирии. Речь идет о тех самых радикальных исламистах, которые еще совсем недавно относились к союзникам США и активно ими поддерживались, прежде всего на сирийском фронте. Региональные союзники США на Ближнем Востоке и, прежде всего, Саудовская Аравия и Катар также давно финансируют и вооружают исламистские партии и группировки, включая «Исламское государство» в целях усиления позиций консервативного ислама в арабском мире и противодействия «шиитской экспансии». Спецслужбы Саудовской Аравии, в частности, содействовали объединению в Сирии 43 джихадистских групп, образовавших «Армию ислама» во главе с салафитским полевым

¹ Egypt Convicts Democracy Workers in Case that Plunged // Reuters, June 4, 2013.

командиром М. Аллюшем, отец которого был известным ваххабитским проповедником. Командиры «Джебхат ан-Нусра» (Абу Мухаммед Джулани) и «Ахрар аш-Шам» (Хассан Абуд) и других более мелких военизированных формирований, аффилированных с «Аль-Каидой», также ведут переговоры об объединении и координации совместных действий. Особняком стоит организация «Исламское государство», которая также является продуктом американской политики последнего десятилетия в Ираке.

Многие аналитики обратили внимание на тот факт, что усиление исламских радикальных организаций и расширение ареала их деятельности связаны именно с приходом к власти администрации Б. Обамы. Очевидно, что при разработке своей ближневосточной политики президент США и его окружение руководствовались принципами, в соответствии с которыми в целях оптимального продвижения американских интересов в регионе следует поддерживать совершенно иные, чем ранее, силы. А именно – исламские консервативные движения и партии, пользующиеся среди мусульманского населения большим влиянием, нежели прогнившие застарелые режимы, пришедшие к власти с когда-то популярными, но быстро потерявшими свою актуальность идеологическими постулатами. Одним из ведущих разработчиков новых политических ориентиров был бывший федеральный прокурор Нью-Йорка и ведущий специалист по проблемам борьбы с терроризмом Э. Маккарти. В своей книге «Весенняя лихорадка: иллюзия исламской демократии» он пишет, что американцы хорошо уяснили после вторжения Ирак и Афганистан, что для мусульманского мира самое главное – это ислам. В то же время люди, выражающие готовность следовать по пути модернизации и продвигать в исламском обществе общедемократические ценности, составляют не более 20 %, то есть явное меньшинство [17, р. 55]. Отсюда следовал вывод: исходя из объективной реальности, надо делать ставку на развитие взаимного сотрудничества с наиболее популярными исламистскими организациями, в том числе «Братьями-мусульманами» в Египте и Ливии, партией «Ан-Нахда» в Тунисе, коалицией радикальных антиправительственных группировок в Сирии, Партией справедливости и развития во главе с премьер-министром Турции Р. Эрдоганом, который активно поддерживает исламизацию страны и превращение ее в лидера исламского мира.

Такой подход объективно еще прочнее скреплял связи США и их региональных союзников – Саудовскую Аравию, Катар и другие монархии Персидского залива, целенаправленно поощряющие деятельность суннитских исламистских партий и группировок в целях усиления позиций консервативного ислама в арабском мире и противодействия шиитской (иранской) экспансии. Последний пункт полностью совпадал с ближневосточной политикой нынешней американской администрации, которая при президенте Б. Обаме была переориентирована на борьбу с угрозой, якобы исходящей от иранской ядерной программы.

Знаменитая речь Б. Обамы, произнесенная 4 июня 2009 г. с трибуны Каирского университета, в которой он особо подчеркнул, что США «никогда не вели и никогда не будут вести войну с исламом» и начинается «новая эра отношений между США и исламом»², свидетельствовала, что Белый Дом определился с вектором своей ближневосточной политики.

Советники по внешней политике в августе 2010 г. по распоряжению президента Б. Обамы подготовили перспективный план в отношении ряда арабских стран, включая Египет, который предусматривал реализацию под эгидой США и в интересах США сценариев устранения при содействии религиозных оппозиционеров авторитарных режимов в странах, которые относятся к числу американских союзников [18]. Этот документ доказывает, что перераспределение власти в Египте в пользу «Братьев-мусульман» было частью стратегического плана американской администрации, разработанного еще до начала «арабской весны»³.

Радикальные исламисты вооружались, перебрасывались в Ливию и активно использовались американскими спецслужбами против военных, сохранявших верность М. Каддафи. Среди полевых командиров ополчения значились имена людей, сотрудничавших

² President Obama's Speech in Cairo: A New Beginning. URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/NewBeginning/transcripts>

³ Датой начала «Арабской весны» принято считать 17 декабря 2010 г. В этот день в Тунисе начались массовые демонстрации протеста против тридцатилетнего правления президента Бен-Али.

в прошлом с «Аль-Каидой» и лично Бен-Ладеном (Абу Яхья аль-Либи, Абдель Хаким Хасади, Салах аль-Баррани, Суфьян Бен-Куму и др.). Есть достоверная информация о том, что Абдель Хаким Бельхадж, шейх Халед Шариф и другие лидеры Ливийской исламской вооруженной группы (ЛИВГ), которая представляла собой отделение «Аль-Каиды» в Ливии, были завербованы американскими спецслужбами и действовали по их заданию во время проведения натовской коалицией операции по свержению М. Каддафи. [9, с. 32]. В условиях хаоса и анархии, царящих в настоящее время в Ливии, не исключено, что радикальные фундаменталистские группировки могут захватить власть, используя религиозный фактор, который имеет принципиальное значение для консолидации в целом монокультурного и достаточно консервативного ливийского общества. Как в Сирии и Ираке, в Ливии США предпринимают меры в целях минимизации возможности захвата власти радикальными исламистами. Опубликованные на сайте WikiLeaks секретные материалы спецслужб США свидетельствуют, что дезинтеграция Ливии по территориально-племенному принципу рассматривается в качестве альтернативного и приемлемого для Запада варианта развития событий⁴.

Крайне напряженная обстановка сложилась в Ираке и Сирии в результате длительного заигрывания США и их союзников с радикальными исламистами. Поддержка США и другими «друзьями Сирии» вооруженной антиправительственной оппозиции в итоге обернулась тем, что радикальные исламисты, ставшие во главу угла борьбу за очищение ислама от различных примесей, основанных на культурных, этнических или каких-то других особенностях тех или иных народов, принявших ислам, обрели собственную государственность. От народившейся империи джихада исходят серьезные угрозы и вызовы не только мусульманским государствам, но и всему миру, включая США.

Учитывая тот факт, что возглавляемая США коалиция фактически продемонстрировала свою неспособность противостоять распространению террористической агрессии в Сирии и Ираке и более того своим бездействием способствовала укреплению позиций радикального ислама, российская сторона в начале октября 2015 г. приняла обоснованное решение «по линии Минобороны содействовать объединению усилий армии САР и «Свободной сирийской армии» в борьбе с запрещенным в Российской Федерации ИГИЛ и прочими террористическими группировками, в том числе в контексте координации с действиями российской авиации»⁵. При этом было четко подтверждено, что российские военные в Сирии будут работать исключительно против «Исламского государства», «Джабхат ан-Нусры» и прочих террористических группировок. В целях согласования усилий по предотвращению угрозы расползания исламистского терроризма Россия инициировала создание координационного военного штаба (Информационного центра с участием российских, сирийских, иракских и иранских военных) в Багдаде для налаживания сотрудничества между всеми региональными и международными силами, которые ведут реальную борьбу против ИГ и др. джихадистских формирований. Задача, стоящая перед силами, противостоящими ИГ, представляется достаточно сложной, поскольку базы террористов в Сирии и Ираке располагаются на площади, равной по своим размерам территории Великобритании.

ФЕНОМЕН «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»

Организация «Исламское государство» была образована в 2006 г. в Ираке в результате слияния одиннадцати радикальных исламистских группировок, отпочковавшихся от «Аль-Каиды» (иракское отделение). В создании организации принимал активное участие Абу Мусааб аз-Заркауи – духовный лидер и ближайший соратник Усамы бен-Ладена. Известно, что до 2013 г. группировка «Исламское государство» относилась к числу рядовых суннитских автономных вооруженных формирований и насчитывала не более 4 тыс. человек⁶. Ряды организации пополняли преимущественно бывшие солдаты и офицеры

⁴ Special Report: Libya's Tribal Dynamics // The Global Intelligence Files. Global intelligence company Stratfor. 10.18.2012.

⁵ Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой относительно координации усилий по борьбе с ИГИЛ // Информационный бюллетень Департамента информации и печати МИД России, 7–8 октября 2015 г. – С. 6.

⁶ The Wall Street Journal. 12.06.2014.

иракской армии, подчинявшиеся С. Хусейну до американо-натовского вторжения в Ирак в 2003 г. Однако за короткий срок организация стала центром притяжения джихадистов всех мастей, мигрирующих между странами Ближнего и Среднего Востока, Северной, Западной и Восточной Африки. Сейчас под черным знаменем «Исламского государства» воюют 80 тыс. человек (50 тыс. в Ираке и 30 тыс. в Сирии)⁷. По информации западных СМИ, к армии новоявленного «халифата» примкнули около 3 тыс. граждан из Европы, США и республик бывшего СССР, в том числе из России (в основном из Чечни). Судя по тому, что свою пропагандистскую литературу «Исламское государство» издает на пяти европейских языках, в ней действительно немало людей, завербованных за пределами Ближнего Востока. По крайней мере, 95 % джихадистов, сражающихся против сирийских правительственных войск, не являются гражданами Сирии.

Некоторые аналитики полагают, что ИГ и «Аль-Каида» являются конкурентами за влияние в арабском мире, а не союзниками. На деле «Аль-Каида» всегда воспринималась в Ираке или Сирии как иностранная организация с ваххабитской идеологией, которая никогда не имела широкой массовой опоры за пределами Аравийского полуострова. Возникновение салафитской суннитской организации, возглавляемой местным «Багдадцем» (аль-Багдади) в период, когда после ухода американцев из Ирака курды и шииты активизировали усилия по созданию собственных независимых образований, было несомненно поддержано значительной частью суннитского населения. Используя недовольство иракских, а впоследствии и сирийских суннитов правящим руководством, «Исламское государство» мгновенно обрело довольно широкую социальную поддержку, особенно среди малообеспеченных сиро-иракских суннитов. На территориях, контролируемых ИГ, всегда осуществлялись популистские мероприятия, которые импонировали миллионам суннитов Ирака и Сирии: организовывались пункты бесплатной раздачи медикаментов и питания, сладостей и игрушек для детей, вводились жесткие меры борьбы против преступности, расцветшей в период войны и хаоса, семьи погибших боевиков получали пособия и иные льготы и т.п. Сейчас «Исламское государство» вовлекает в орбиту своего влияния десятки тысяч местных суннитов, а также боевиков из других исламистских организаций и адептов джихадизма из-за рубежа. По данным американских спецслужб, более одной тысячи боевиков пополняют ряды ИГ ежемесячно.

«Исламское государство» получило широкую известность летом 2014 г., когда боевики начали полномасштабное наступление на северные и западные районы Ирака. Радикалам в течение месяца удалось взять под свой контроль несколько крупных городов, включая Мосул и Тикрит, и подойти вплотную к Багдаду. В Сирии экстремисты «Исламского государства» оккупировали северную провинцию Рака, в центральном городе которой с одноименным названием размещается штаб-квартира организации.

Весьма примечательна фигура новоявленного «халифа» Ибрагима, который в одночасье сменил военную форму полевого командира на одежды мусульманского богослова, проповедующего с трибуны центральной мечети Мосула известные ваххабитские истины о том, что «мусульмане должны избавиться от демократии, секуляризма, национализма, а также всего другого мусора и идей, идущих с Запада»⁸.

Аль-Багдади, которому сейчас 43 года, воевал в качестве командира отрядов моджахедов в Афганистане и Ираке. В 2004 г. он был арестован американцами и некоторое время содержался в тюрьме «Кэмп Бука» в Ираке. Однако, несмотря на тяжкие обвинения в организации террористической деятельности, был отпущен при неясных обстоятельствах. Есть подозрения, что аль-Багдади был завербован агентами ЦРУ. В секретных документах, опубликованных бывшим сотрудником Агентства национальной безопасности США Э. Сноуденом, содержалась информация о том, что аль-Багдади сотрудничал с ЦРУ, британской и израильской разведками⁹.

Сейчас ИГ распространяется очаговым методом и территория его контроля напоминает «леопардовую шкуру». За пределами Ирака и Сирии ИГ удалось закрепиться в ливийской

⁷ The Economist. 14.06.2014.

⁸ The New York Times. 15.09.2014.

⁹ Former CIA Agent: The ISIS Leader Abu Bakr Al Baghdadi Was Trained by the Israeli Mossad // World Observer. 12.08.2014.

восточной провинции Барка (Киренаика). 5 октября 2014 г. Совет Шуры исламской молодежи Ливии объявил Барку территорией, находящейся под контролем «Исламского государства». К февралю 2015 г. сторонники «халифата» установили свои порядки в Дерне, Нофалии и эль-Мабруке, а также осадили районы нефтедобычи в г. Сирт.

10 ноября 2014 г. члены террористической организации «Ансар Бейт аль-Макдис» («Защитники Дома Святости»), которая действует на Синае и насчитывает до 2 тыс. человек, объявили о провозглашении Синайского вилайета «Исламского государства». Часть боевиков «Ансар Бейт аль-Макдис», находящиеся в Газе, заявили, что отныне она будет носить название «Исламское государство Газы».

Лидеры Талибана Хафиз Саид Хан и Абдул Рауф признали «халифат» и получили от аль-Багдади, соответственно, титулы «правителя» и его «заместителя» на афганской части провинции Хорасан. О присоединении к «халифату» аль-Багдади заявили члены алжирской джихадистской группировки «Джунуд Аллах» («Воинство Аллаха»), исламистская подпольная организация «Сыновья призыва к Единению и Джихаду», действующая в Иордании, аффилированная с «Аль-Каидой» йеменская террористическая организация «аль-Ансар аш-Шариа», исламистская террористическая группировка Абу Сайяфа в Малайзии, несколько радикальных исламистских организаций в Пакистане, а также «Исламское движение Узбекистана» (лидер Усман Гази) и ряд группировок, состоящих из иностранцев, в основном чеченцев, таджиков, туркмен, воюющих в Сирии против правительственных войск. В марте 2015 г. нигерийская исламистская террористическая организация «Боко харам» («Иностранное просветительство запрещено») присягнула на верность ИГ.

Вполне возможны попытки создания «халифатов» в Западной или в Восточной Африке. Такой вариант вполне вероятен для «исламского африканского пояса» арабских североафриканских стран – Северо-Западная Африка, Сомали, Эфиопия. Прозрачность национальных границ помогает радикальным исламистам перемещаться в этой части Африки (Сахель) и искать подходящие для себя ниши. Уровень межэтнических конфликтов здесь выше, чем в Северной Африке. Достаточно вспомнить историю с провозглашением в Мали в апреле 2012 г. туарегского Независимого Государства Азавад (с территорией, в два раза превышающей размеры ФРГ и населением более 1 млн человек), контроль над которым достаточно быстро перешел к исламистам.

Причины притягательности «Исламского государства кроются в следующем. Во-первых, проводившаяся марионеточным правительством аль-Малики (2006–2014 гг.) политика объективно была направлена на усиление повсеместного шиитского доминирования в Ираке, что объективно толкало суннитское население на вооруженное сопротивление. В Сирии конфликт между властью и оппозицией также носит ярко выраженный характер непримиримого противостояния шиитов (алавитов) и суннитов. Полагаемый праведным и идеальным по своему устройству халифат, сформировавшийся в период победоносных мусульманских завоеваний в VII–IX веках, противопоставляется всем современным формам государственного управления, которые неизбежно, как показывает действительность, порождают социальную несправедливость, беззаконие, всепроникающую коррупцию, притеснение неимущих и произвол узкого слоя богачей. В сознании миллионов суннитов халифат представляется уникальным исламским институтом, способным искоренить все проявления государственного nepотизма, защитить мусульманскую общину от иностранной политической и экономической зависимости и инородных религиозных и культурных влияний. Не случайно, «халифат» и «халиф» Ибрагим встречают поддержку со стороны тысяч суннитов в городах, которые контролируются «Исламским государством».

Во-вторых «Исламское государство» не нуждается в финансовых подачках из-за рубежа, как, скажем, та же оппозиционная правящему сирийскому режиму «Свободная сирийская армия» или другие военизированные или политические формирования, входящие в поддерживаемую Западом «Национальную коалицию сирийских революционных сил и оппозиции». Самопровозглашенный «халифат» самостоятельно получает миллиарды долларов за счет грабежа банков, магазинов, захваченного имущества иноверцев, обмена заложников за выкуп, работоторговли, контроля над наркотрафиком и нелегальными каналами распространения нефти. Сейчас «Исламское государство» является самой богатой террористической организацией с бюджетом 2,3 млрд долл. и ежедневно пополняет

свои активы на 1 млн долл. только за счет спекуляций на нефтяном черном рынке¹⁰. Американский политэксперт Дж. Пери, безусловно, прав, когда говорит, что «денежный ресурс позволяет боевикам (из «Исламского государства») копировать стратегию ХАМАС, то есть предоставлять населению общественные услуги, то есть восстановить работу больниц и школ, тем самым укорениться в регионе и пользоваться поддержкой населения»¹¹. Возможность легкого заработка привлекает, как видно, авантюристов и «солдат удачи» даже из далекого зарубежья.

В целом существуют, как минимум, пять источников пополнения финансов джихадистов. Первый – традиционные для ислама пожертвования, пожертвования в форме регулярных отчислений (*закят*), добровольных пожертвований (*садака*) верующих на благотворительные нужды. Это укладывается в легальную схему: сбор этих пожертвований, их распределение на нужды бедных, а также на распространение идей ислама по всему миру. Здесь возникает такая интересная ситуация, когда легально собранные деньги становятся потом нелегальными, то есть имеет место не «отмывание грязных денег», а «загрязнение чистых».

Второй источник – традиционная мусульманская система денежных переводов, известная под названием *хавала*. Скажем, какой-то человек в Ираке хочет передать средства на джихадистские нужды в другую часть света – он просто звонит по телефону, без всяких документов, без всяких подтверждений, просто передает деньги их посреднику, тот – еще одному посреднику... И так деньги движутся к точке назначения, и проследить их практически невозможно. Есть еще третий законный источник – легальная финансовая деятельность, бизнес. Дополнительным «преимуществом» исламских банков является присущая им практика слияния, смешивания средств разных вкладчиков, в том числе пожертвователей, при формировании пулов инвестиций в те или иные проекты. Четвертый источник – нелегальный теневой бизнес (наркотики, нелегальный ввоз и вывоз драгоценностей, золота и т.д.). Наконец, пятый источник, получивший распространение в самое последнее время, – так называемые «экспроприации»: захват банков, промышленных объектов, переключение финансовых потоков на удовлетворение своих целей. Именно это сейчас происходит и в Ираке, и в Сирии.

США в сентябре минувшего года возглавили коалицию стран НАТО для борьбы с «Исламским государством». Американская авиация регулярно наносит авиаудары по базам «халифата» на территории Ирака и Сирии. К натовской коалиции присоединились нефтедобывающие монархии Аравийского полуострова и Иордания. Вместе с тем Б. Обама подписал принятую обеими палатами Конгресса резолюцию, которая позволяет снабжать оружием и обучать при помощи американских инструкторов бойцов сирийской оппозиции, в состав которой входят и откровенно джихадистские группировки типа «Джабхат ан-Нусра».

Складывается парадоксальная ситуация, при которой американцы, дабы избежать потерь на земле, готовы потратить 500 млн долл. на организацию нового внутреннего конфликта между сирийскими оппозиционерами, рассчитывая, что силы, направленные против «Исламского государства», после уничтожения «халифата» обернут свое оружие против Б. Асада и его окружения. Однако, как показывает опыт Афганистана и Ирака, «отфильтровать» радикалов от умеренной оппозиции американцам вряд ли удастся.

Принимая во внимание недостаточную эффективность воздушных операций против ИГ, командование Пентагона в начале февраля 2015 г. объявило о начале наземной операции против боевиков «Исламского государства». По замыслу американцев, сухопутную операцию с двух фронтов – условно северного и южного – начнут курдские формирования пешмерга и иракская армия, которые прошли курс тренировки под руководством иностранных специалистов. Регулярные части каких-либо иностранных государств в самом наступлении участвовать не будут. Наступающих поддержит авиация стран антитеррористической коалиции, что в данном случае, по мнению её лидеров, обеспечит безусловное преимущество и определит успех операции, даже в условиях «необстрелянности» большинства рекрутов иракских вооруженных сил.

Эксперты справедливо подвергли сомнению успех наземной военной кампании. Во-первых, в силу недостаточного уровня подготовки иракской армии. По признанию

¹⁰ The Washington Times. 05.08.2014.

¹¹ Цитируется по AFP et «Le Parisien». 18.06.2014.

Пентагона, порядка 70 % вооруженных сил Ирака не в состоянии проводить самостоятельные военные операции. Во-вторых, руководство ИГ уже начало предпринимать меры по минимизации своих потерь: в соответствии с известной тактикой джихадистов проводится рассредоточение их вооруженных формирований, «растворение» отрядов среди местного населения, концентрация их сил на особенно опасных направлениях и в городах, где авиация противника не может быть задействована в полном объеме.

Американская тактика изначально предполагала, что война в Сирии будет носить затяжной характер. К такому же выводу пришли многие американские аналитики. В частности, известный эксперт по Ближнему Востоку М. Фишер уже в 2013 г. указывал, что война в Сирии продлится еще десятилетие, а, возможно, и больше [11]. В своих рассуждениях он опирался на исследование, проведенное специалистами по конфликтологии из Стэнфордского университета, которые установили, что все внутрисударственные конфликты, имеющие множество составляющих (а именно к этой категории относится конфликт в Сирии), в среднем продолжаются от 7 до 12 лет. С большой долей вероятности можно предположить, что Сирия, даже в том случае, если ей удастся сохранить территориальную целостность, все равно, как и Ливия, еще долгое время не сможет выйти из состояния хаоса и неопределенности.

Таким образом, *на фоне исламизации региона происходит углубление межцивилизационных расколов по конфессиональной, расовой, этнической, племенной и иным линиям, как на национальном, так и субрегиональном и региональном уровнях. Успеху «исламского бума» в немалой степени способствовал кризис «светских идеологий» (прежде всего, западного либерализма и коммунизма), побудивший широкие мусульманские массы обратиться к более близким им по духу и менталитету сугубо религиозным ценностям.*

В регионе набирает силу своеобразный «Веймарский синдром» – ощущение проигрыша цивилизациям, которые успешно приспосабливаются к конкуренции в новом глобальном мире, и несправедливости политики внешнего мира, особенно Запада. На этих чувствах играют местные элиты, не желающие идти на системные реформы. Этот синдром приобретает агрессивный характер. В самом исламском мире антииудейская и антихристианская пропаганда находится на подъеме и является чуть ли не повсеместной. Используя слабость государственной власти и остроту межэтнических, межплеменных конфликтов, ее носители надеются умножить число своих сторонников и усилить влияние. Но сил недостаточно, поэтому они и стремятся разрушить систему государственного управления с тем, чтобы в условиях хаоса и вакуума власти встать у руля государственного управления.

Краткосрочные, текущие цели джихадистов – использование вакуума власти, привнесение хаоса в различные территории в арабском мире, подготовка почвы для достижения конечной цели их программы – к «воссозданию», как декларируется, могущественного теократического государства – «халифата», наподобие того, который существовал в средневековье, в период победоносных мусульманских завоеваний в VII-IX веках, практически от Испании до Индии.

Самопровозглашенный «халифат» уже объективно обладает всеми атрибутами государства. У него есть подконтрольная обширная территория и своя столица – г. Рака. Суннитское население в основном поддерживает новую власть. Власть в свою очередь реализует четко прописанную государственную стратегию, включая принципы и методы решения социальных, политических, экономических, национальных и религиозных и др. проблем и установок через представленный ниже структурированный по всем существующим правилам механизм государственного управления.

У новоявленного «халифа»¹² есть два заместителя (амиры) – Абу Муслим аль-Туркмани (отвечает за Ирак) и Абу Али аль-Анбари (отвечает за Сирию). Ему подчинены также 12 губернаторов (вали) подконтрольных «Исламскому государству» районов Сирии и Ирака и кабинет министров. Примечательно, что министерства возглавляются профессионалами. Так, министерством финансов руководит выходец из Австралии, имеющий профессиональное высшее экономическое образование и опыт работы в финансовых учреждениях. Особая роль принадлежит Совещательному совету, то есть представительному органу «Исламского

¹² 18 марта 2015 г. западные и арабские СМИ сообщили, что Абу Бакр получил тяжёлое ранение в результате удара сил прозападной коалиции по автомобилю, в котором он следовал из Ирака в Сирию в г. Рака.

государства» (Шура), состоящему из опытных полевых командиров и мусульманских богословов, которые рассматривают каждое решение губернаторов и министров на предмет их соответствия нормам шариата. В руководящих органах самопровозглашенного халифата доминируют в основном иракцы и сирийцы. Известный эксперт по Ближнему Востоку и корреспондент ВВС Ф. Гарднер сообщает, что ИГ довольно быстро удалось наладить работу служб по ремонту дорог, мостов, разрушенных зданий, обеспечить охрану захваченных территорий и бесперебойное снабжение населения продуктами питания, медикаментами, топливом, водой, электроэнергией, газом и бензином, открыть сеть шариатских школ¹³.

«Исламское государство» – очень подвижная структура, способная к регенерации. Его горизонтально-сетевая конструкция не совпадает со схемами сетевых действий современных армий. Эта структура более жизнеспособна там, где национальные границы прозрачны – в Северо-Западной Африке, в Сомали, в Эфиопии. Фактическое отсутствие границ помогает перемещаться, способствует этому и высокий уровень межэтнических конфликтов.

Мусульманские государства, в которых еще сохранились правящие режимы, пришедшие к власти законным путем, болезненно и с опаской реагируют на ИГ. Духовенство не признает заявления и цели ИГ и всячески пытается отделить его от ислама, от исламской уммы, подчеркивая, что это хариджиты, сектанты, что их цели не совпадают с основными течениями ислама.

В конце 2014 г. стало известно, что ИГ намерено перебросить часть террористов в Европу, используя беженцев как прикрытие. Учитывая ситуацию на сирийско-турецкой границе, выявлять террористов в потоке беженцев будет крайне сложно.

По данным Агентства европейского союза по безопасности внешних границ («Фронтекс»), в течение первых восьми месяцев 2015 г. до границ Евросоюза добрались более 500 тыс. мигрантов, а рекорд был зарегистрирован в августе, когда 156 тыс. человек пересекли границу европейских государств¹⁴. Западные СМИ называют новую достигшую невероятных размеров миграционную волну «сирийской». Потенциал сирийской миграции действительно велик. За годы военного конфликта, имеющего многомерный характер и продолжающегося с марта 2011 г., количество сирийских беженцев только в Турции и соседних арабских странах достигло 5 117 282 человек по состоянию на август 2015 г. (см. *Таблицу*).

Таблица

Страна	Количество беженцев из Сирии
Турция	2 138 999
Ливан	1 196 560
Иордания	1 400 000
Ирак	247 861
Египет	133 862
Итого:	5 117 282

Источник: *The UN Refugee Agency. Syria Regional Refugee Response/Total Persons of Concern. UNHCR. August 29, 2015.*

Кроме того, еще 6,5 млн человек числятся в самой Сирии как перемещенные лица. Однако существующая на сегодняшний день конкретная статистика опровергает тезис о том, что нынешняя волна массовой эмиграции в Европу является собственно «сирийской». Тщательная идентификация прибывших в этом году в Италию по морю 119 500 человек показала, что 41 % – это граждане Эритреи, Сомали и Судана, 46 % – выходцы из Нигерии, Бангладеш и Гамбии и только 6 % – беженцы из Сирии. Среди направляющихся в Европу по суше через Балканские страны действительно большинство сирийцев и иракцев (около

¹³ Gardner F. “Jihadistan”: Can Isis militants rule seized territory? // BBC News, 08.06.2014.

¹⁴ More than 500 000 migrants detected at EU external borders so far this year // The European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union (Frontex). September 14, 2015.

75 %), однако остальные не являются жертвами войны и ее последствий в Сирии¹⁵. По данным другого британского источника, нынешний поток эмигрантов, желающих стать европейцами, состоит на 50 % из беженцев из Сирии, Ирака и Афганистана, а остальные являются в основном гражданами Судана, Сомали, Эритреи, Ирана, Пакистана, Бангладеш и Нигерии¹⁶.

Сирийским беженцам, как известно, в Европе предоставляются преимущества для получения вида на жительство. Однако в условиях царящих сейчас в Сирии анархии и беззакония стать «сирийцем» или приобрести сирийское гражданство – дело нескольких часов. Голландский журналист Харольд Дурнбос без проблем купил за 850 долларов настоящий сирийский паспорт¹⁷. Есть и другие, наталкивающие на серьезные размышления, особенности современного миграционного кризиса.

Парадоксален гендерный состав потока эмигрантов: 69 % – мужчины, 18 % – женщины и 13 % – дети¹⁸. По данным Агентства ООН по делам беженцев, во время военных конфликтов и др. чрезвычайных ситуаций картина – прямо противоположная, и основная масса беженцев – это не трудоспособные мужчины, а, напротив, наиболее незащищенное население. Не надо быть предсказателем, чтобы с уверенностью сказать, что в случае приобретения гражданства эти люди воспользуются правом воссоединения семей, и с учетом высокой рождаемости в мусульманской среде община нового поколения мигрантов увеличится, по меньшей мере, в три-четыре раза.

Создается впечатление, что беженцы обходят стороной мусульманские страны, в том числе европейскую Албанию, которая намного ближе к странам исхода, чем Венгрия, Хорватия, Македония и Сербия. Богатые страны Персидского залива тотчас после начала военных действий в Сирии отказались принимать беженцев на своей территории. Примечательно, что в нефтедобывающих странах Аравийского полуострова насчитывается около 240 тыс. сирийцев, которые являются лицами, получившими вид на жительство. Однако такое разрешение можно было получить лишь до начала столкновений в Сирии в марте 2011 г.¹⁹

Стремление новых эмигрантов миновать наименее развитые европейские страны и получить гражданство наиболее богатых государств, способных раздавать необычайно высокие по восточным меркам пособия и льготы, не оставляет сомнений, что массовое бегство в лучшие уголки Европы носит преимущественно экономический характер. Кстати, пуститься в Европу для большинства жителей Ближнего Востока и Северной Африки достаточно сложно по весьма простой причине – на это попросту нет надлежащих денежных средств. Среднестатистический доход на душу населения в странах Ближнего Востока составляет не более 2 тыс. долл. в год. Тогда как за нелегальный транзит по морю организаторы контрабандного бизнеса берут 2–8 тыс. долл.²⁰ За транзит с многочисленными пересадками по суше приходится платить в 3–4 раза дороже. Создается впечатление, что кто-то заинтересован и более того – осознано направляет маршруты нового переселения народов. По крайней мере, Турция, Иордания и застрявшая в тисках безвластия Ливия не только не препятствуют исходу беженцев, но и всячески поощряют направление этого исхода именно в Европу.

Европейским политикам вряд ли стоит утешать себя тем, что пока мусульмане составляют лишь 7 % европейского населения (30–35 млн человек) [14, p. 154–164]. Исламизированная среда, как показывает история, не поддается приобщению к чужеродным образам жизни, морали и ценностям. Отрицая европейский мультикультурализм, они будут сохранять верность Корану, шариату и классическим мусульманским традициям, причем, скорее всего, в их радикальном проявлении, то есть в открытом неповиновении законам, приемлемым для Евросоюза, и склонности к грубому насилию в отношении иноверцев, то есть коренных европейцев.

¹⁵ How many migrants to Europe are refugees? // The Economist. September 7, 2015.

¹⁶ 10 truths about Europe's migrant crisis // The Guardian, August 10, 2015.

¹⁷ Dutch journalist easily buys fake Syrian passport, says terrorists can do it too // Russia Today, September 16, 2015.

¹⁸ The UN Refugee Agency. Refugees/Migrants Emergency Response, UNHCR. September 4, 2015.

¹⁹ Kuwait extends residency permits for Syrians The UN Refugee Agency. UNHCR. September 2, 2015).

²⁰ Everything you want to know about migration across the Mediterranean // The Economist, May 4, 2015.

Европейские бюрократы, либералы и защитники демократических ценностей наивно полагают, что со временем основная масса ищущих сейчас убежище в Европе ассимилируется и примет культуру тех стран, в которых они разместятся. Но они не учитывают то, что продолжающийся финансово-экономический кризис и внутренние разногласия в Евросоюзе объективно будут препятствовать этой и без того изначально утопичной идее. В действительности эмигранты могут рассчитывать только на существование в гетто, где они будут получать мизерное пособие или выполнять низко квалифицированную и мало оплачиваемую работу. Такие условия будут только способствовать радикализации эмигрантской среды, которая и без того насквозь пропитана салафитскими и джихадистскими стереотипами. Было бы удивительно, если бы сторонники «халифата» не воспользовались такой благоприятной возможностью для инфильтрации своих боевиков в столь ненавистные им страны неверных.

Как представляется, чтобы локализовать ИГ, необходимы систематические усилия, направленные на воссозданию центральной власти в Ираке, а также решительные шаги к разрешению конфликта в Сирии. Борьба с ИГ должна вестись посредством сочетания политических, военных, экономических и социальных мер. Кроме того, она должна быть скоординирована в международном плане. Среди перспективных невоенных методов борьбы с ИГ следует назвать установку контроля за нелегальными поставками нефти через Курдистан и Турцию и изоляцию джихадистов от международной финансовой системы, прежде всего путем блокирования работы банков, расположенных на территориях, захваченных террористами в Ираке и Сирии.

ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ТУПИК

На палестино-израильском треке до июля 2013 г. администрация Б. Обамы не выдвигала сколь-нибудь внятных инициатив, которые были бы приемлемы для всех сторон, заинтересованных в ближневосточном урегулировании. Придя в Белый Дом, Б. Обама намеревался, прежде всего, решительно противостоять иранской ядерной программе. В августе 2009 г. госдепартамент США предложил своим основным партнерам по НАТО рассмотреть возможность реализации «сделки», подразумевающей ужесточение западных санкций, способных подорвать экономику Ирана, в обмен на замораживание строительства в еврейских поселениях [4]. Это весьма необычное для практики ближневосточного урегулирования предложение вызвало отрицательную реакцию и в Израиле, и в Палестинской национальной автономии (ПНА). Б. Нетаньяху тотчас же безапелляционно дал понять, что его правительство не будет препятствовать строительству в крупных поселенческих анклавах Ариэль, Модиин, Гуш Эцион и Маале Адумим (около 10 % всей территории Западного берега), а также еврейских кварталах Восточного Иерусалима.

Кроме того, признание легитимности некоторых поселенческих анклавов на Западном берегу означало де-факто отказ от ранее поддержанных СБ ООН резолюций 242 и 338, требующих от Израиля вывода его войск с оккупированных в ходе войны 1967 г. территорий, то есть тех территорий, на которых должно быть создано палестинское государство. Ясно, что такая «инициатива» не была бы одобрена государствами – членами СБ ООН. Россия, Китай, Англия и Франция, как известно, выступают против политики развития израильского поселенческого сектора на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим [6, с. 161–173]. В противовес этому США требуют, «чтобы Израиль заморозил всю поселенческую деятельность, однако это не должно быть предварительным условием для возобновления переговоров между израильтянами и палестинцами.

Осторожные попытки тогдашнего (2009–2013 гг.) госсекретаря Х. Клинтон убедить израильского премьера Б. Нетаньяху приостановить поселенческую активность на Западном берегу успеха не имели. Не имела успеха и попытка Госдепартамента США, Египта и Иордании возобновить палестино-израильские переговоры в Вашингтоне (сентябрь 2010 г.) на том условии, что Израиль будет соблюдать десятимесячный мораторий на строительство в поселениях. Вторая каденция Б. Нетаньяху (2009–2013 гг.) была самой результативной за всю историю освоения израильтянами палестинских территорий. В этот период было построено 28 тыс. новых единиц жилья, в которых разместились около 103 тыс. поселенцев²¹.

²¹ Monthly report of the Palestinian Monitoring Group (Palestinian Liberation Organization, Negotiations

Примечательно, что 40 % новых единиц жилья были возведены в удаленных от «зеленой линии» поселениях, а остальные – в основном в Восточном Иерусалиме и прилегающих к городу районах Западного берега²². «Челночная дипломатия» Дж. Митчелла, исполнявшего с 2009 по 2011 гг. обязанности спецпосланника президента США на Ближнем Востоке, также не имела сколь-нибудь значимых результатов.

После победы на вторых президентских выборах администрация Б. Обамы решительно пересмотрела отношение к переговорному процессу между Израилем и палестинцами, а также роли США в этом процессе. Команда советников американского президента по Ближнему Востоку была существенно перетасована, расширена и усилена.

Большинство членов этой команды участвовали в подготовке и проведении палестино-израильских переговоров, которые велись под эгидой президента Б. Клинтона в 2000–2001 гг. в Вашингтоне, Кэмп-Дэвиде и Табе. В кратковременный период пребывания у власти правоцентристского правительства Партии труда во главе с Э. Бараком (06.07.1999–07.03.2001) израильская сторона готова была пойти на серьезные территориальные уступки палестинцам. С 11 по 24 июля 2000 г. в Кэмп-Дэвиде при посредничестве президента США Б. Клинтона состоялись переговоры между Я. Арафатом и Э. Бараком, в ходе которых впервые на официальном уровне обсуждались, помимо поселений, проблемы беженцев и статуса Иерусалима, ранее стоявшие в ряду «табуированных» тем палестино-израильского урегулирования. Однако прийти к какому-либо компромиссу, как известно, израильской и палестинской сторонам в Кэмп-Дэвиде не удалось. В итоге была лишь достигнута договоренность о продолжении двусторонних контактов при посредничестве США. Безуспешно завершились переговоры в Вашингтоне (19–24 декабря 2000 г.) и Табе (21–27 января 2001 г.) [7]. Из-за неблагоприятного политического фона, сложившегося накануне переговоров в Табе, было ясно, что положительных результатов они иметь не будут.

Спустя 12 лет в условиях отсутствия сколько-либо серьезных подвижек на палестино-израильском треке США вновь попытались реанимировать план обмена территориями, который был основным предметом переговоров, проводившихся при посредничестве Б. Клинтона. Ни у кого не было сомнений в том, что план, который будет подготовлен для Дж. Керри командой советников того же Б. Клинтона, станет попросту обновленным вариантом так называемых свопов²³.

По вопросу о свопах палестинцы и израильтяне придерживаются диаметрально противоположных взглядов. Стратегическая цель палестинской дипломатии заключается в том, чтобы свести к минимуму или вообще не допустить кардинальных изменений границ, которые существовали до 4 июня 1967 г. При этом предполагается, что все поселения и все поселенцы должны быть эвакуированы за пределы «зеленой линии»²⁴. Израильская дипломатия настаивает на том, что в связи с неурегулированностью вопроса о статусе Иудеи и Самарии, то есть Западного берега, евреи имеют такое же, как и палестинцы, право селиться в этом районе. В этой связи все поселенцы и поселения, созданные в соответствии с законодательством Израиля, исключая «нелегальные поселения», основанные без проведения надлежащих юридических процедур, должны после подписания соглашения о Постоянном статусе находиться под суверенитетом и юрисдикцией Израиля.

На переговорах в Кэмп-Дэвиде израильская делегация впервые выдвинула план обмена территориями. Согласно этому плану, 111 поселений с общим числом поселенцев 374 327 человек должны были бы остаться под суверенитетом Израиля, 34 поселения и 18 977 поселенцев должны были бы покинуть Западный берег. По израильскому плану

Affairs Department). January 2012. – P. 3.

²² Settlements & the Netanyahu Government: A Deliberate Policy of Undermining the Two-State Solution. Peace Now Report. January 2013. – P. 1.

²³ Свop (англ. Swap) – обменная операция. В практике палестино-израильских переговоров термин «своп» означает «обмен территориями».

²⁴ «Зеленая линия» – границы, существовавшие до июня 1967 г. На картах, составленных по соглашению между Израилем и Египтом (24 февраля 1949 г.), Иорданией (3 апреля 1949 г.), Ливаном (23 марта 1949 г.) и Сирией (20 июля 1949 г.), линия прекращения огня после окончания первого арабо-израильского конфликта 1948–1949 гг. была окрашена зеленым цветом.

733 кв. км Западного берега²⁵ отходило к Израилю, 114 кв. км – под контроль ПНА. Еще 507 кв. км Израиль рассчитывал взять у палестинцев в долгосрочную аренду [15, р. 6]. Палестинская делегация на этих переговорах обсуждать вопрос о свопах отказалась.

Так и не опубликованный план Дж. Керри, скорее всего, тоже был некой квинтэссенцией арабской мирной инициативы 2002 г. и согласованных при посредничестве США территориальных обменов. Арабская мирная инициатива, как известно, предполагала признание арабскими странами Израиля в том случае, если тот выведет свои войска с оккупированных арабских территорий и согласится на создание государства Палестина. Судя по результатам переговоров, которые вице-президент США Джо Байден и госсекретарь Дж. Керри провели в апреле 2013 г. с главами государств Союза сотрудничества арабских государств [Персидского] Залива (ССАГ[П]З), последние были готовы поддержать американскую инициативу и признать Израиль и будущее палестинское государство в рамках границ, существовавших до 4 июня 1967 г. с поправкой на возможность осуществления взаимосогласованных и незначительных земельных разменов между Израилем и палестинцами²⁶.

Заявление американских политиков вызвало шоковую реакцию в Израиле, который заведомо отвергал любые предварительные условия для возобновления переговоров, равно как и саму идею территориальных разменов²⁷. Дж. Керри пришлось еще четыре раза летать в Израиль в течение одного месяца для того, чтобы «дожать» Б. Нетаньяху. Под давлением США, а также ведущих стран ЕС²⁸, Израиль дал согласие сесть за стол переговоров, на условии того, что предварительные условия будут соответствовать ранее достигнутым договоренностям между палестинской и израильской сторонами. В качестве гарантии своего участия в переговорах Израиль соглашался освободить из своих тюрем 104 палестинца, 14 из которых – арабы, имеющие израильское гражданство. Это условие было зафиксировано еще в Шарм аш-Шейхском Меморандуме от 4 сентября 1999 г., но не было в полной мере выполнено израильской стороной. Палестинцы обязались на время переговоров прекратить любые действия по своему вхождению в качестве полноправных членов в 15 организаций, аффилированных с ООН.

Каждая сторона была представлена двумя переговорщиками. От Израиля в них участвовали тогдашний министр юстиции Ц. Ливни и советник премьер-министра по палестинскому вопросу Б. Молхо, от США – М. Индик и Ф. Ловенстейн, от ПНА – один из лидеров ФАТХ Саэб Орейкат и министр экономики Мухаммед Штайех. Прямые переговоры между Израилем и палестинцами начались 29 июля 2013 г. в Вашингтоне и должны были продлиться девять месяцев. Крайний срок ограничивался конкретной датой – 29 апреля 2014 г. Однако, поскольку никаких продвижений в течение данного срока не было, обсуждался вопрос о возможности их продления вплоть до 2015 г. Администрация Б. Обамы рассчитывала добиться дипломатического прорыва в начале 2014 г. Предполагалось, что в январе 2014 г. Дж. Керри представит план, в котором будет предложено решение всех основных проблем ближневосточного урегулирования, на основе границ 1967 г. и обмена территориями. В план будет включен график его претворения в жизнь. Он также затронет проблемы регионального мира, Арабскую мирную инициативу и будет содержать программу развития палестинской экономики.

Однако новое правительство Б. Нетаньяху, сформированное по результатам внеочередных январских выборов 2013 г., сразу утвердило 84 проекта дополнительного строительства в поселениях, подчеркнув тем самым, что оно не намерено ни замораживать, ни тем более сворачивать поселенческую активность на палестинских территориях [5]. Кроме того, палестинские переговорщики с самого начала были убеждены, что американская сторона

²⁵ Вся территория Западного берега составляет 5,6 тыс. кв. км.

²⁶ Kerry Calls Arab League Plan to Revive Talks With Israel a 'Big Step' / The New York Times, 30.04.2013.

²⁷ Netanyahu cool to Arab land-swap initiative // The Washington Post, 01.05.2013.

²⁸ В июле 2013 г. Евросоюз поддержал директиву, запрещающую европейцам сотрудничество с теми израильскими организациями, которые работают в еврейских поселениях на палестинских территориях. Директива также требует, чтобы любые будущие соглашения между ЕС и Израилем, содержали параграф, подчеркивающий, что их действие «не распространяются на поселения, которые не являются частью территории Израиля» [13].

при обсуждении спорных вопросов более расположена к пониманию израильских, нежели палестинских, доводов.

Первые четыре раунда свелись в основном к взаимным упрекам после того, как палестинская делегация сделала заявление о необходимости включения в итоговую резолюцию положения о том, что «палестинское государство должно иметь территорию, полностью освобожденную от израильских военных и гражданских лиц»²⁹.

5 ноября в ходе очередного раунда переговоров израильская делегация сделала однозначное заявление: «палестинского государства в пределах границ 1967 г. не будет, и заградительный забор³⁰ станет границей между палестинцами и Израилем»³¹. В ответ на это С. Орейкат и М. Штайхобвинили Израиль в срыве переговоров «эскалации строительства в поселениях»³². Переговоры по формуле двугосударственного решения палестино-израильского конфликта теряли всякий смысл, поскольку израильские политики и законодатели фактически приступили к осуществлению процедуры присоединения к границам Израиля долины реки Иордан.

Заявлению израильской переговорной команды предшествовало выступление Б. Нетаньяху на заседании правительственного кабинета, где премьер-министр неожиданно вспомнил о 96-й годовщине принятия Декларации Бальфура³³ и увязал это событие с необходимостью расширения границ государства Израиль за счет территории Иорданской долины, которая является неотъемлемой частью оккупируемого израильтянами Западного берега. «Принцип, который обеспечит мир, а также защитит государство Израиль, в случае, если мирное соглашение будет нарушено, это – принцип безопасности. Договоренности в области безопасности принципиальны для нас, и мы настаиваем на них. Эти договоренности будут содержать многие составляющие, но во главу угла мы ставим то, что граница безопасности Израиля пройдет по реке Иордан», – этим заявлением Б. Нетаньяху подтвердил, что Иорданская долина рассматривается им как суверенная территория Государства Израиль. Вслед за этим заявлением израильского премьера депутаты от «Ликуда» во главе с Мири Рэгев начали раскручивать процедуру принятия в Кнессете закона об аннексии Иорданской долины³⁴.

Иорданская долина и северо-западное побережье Мертвого моря занимают особое место в военно-стратегических расчетах. На современных израильских картах эта территория включается в состав границ Государства Израиль. Вся территория, прилегающая к иорданской границе (1 813,5 кв. км, или 32,9 % всей территории Западного берега), является сейчас «закрытой зоной». Создание по естественному руслу Иордана сплошной полосы, все подступы к которой охраняются военными, позволяет Израилю контролировать распределение водных ресурсов реки Иордан и полностью регулировать процесс передвижения палестинцев и товаров в Иорданию и обратно на территорию Западного берега. Перекрытие всех подступов к Иорданской долине обеспечивает также тотальный военный

²⁹ Abbas: Not a single Israeli' in future Palestinian state / The Jerusalem Post, 30.07.2013.

³⁰ Начиная с 2004 г. Израиль ведет на Западном берегу строительство «заградительного забора», который пролегает между поселениями и арабскими населенными пунктами. Согласно постоянно меняющейся карте маршрута разделительной стены ее протяженность в итоге должна составлять 712 км и почти вдвое превышать протяженность «зеленой линии». После завершения строительства стены около 285 тыс. палестинцев (в том числе в Восточном Иерусалиме) окажутся зажатыми между стеной и «зеленой линией». Примерно 125 тыс. палестинцев будут окружены стеной с трех сторон, а 26 тыс. – с четырех. К концу 2013 г. строительство 62 % стены уже было завершено. Бетонные стены барьера уже сейчас отсекают 9,4 % территории от Западного берега, включая Восточный Иерусалим [19, p. 6].

³¹ Israel says Separation Wall will be border / Al-Jazeera, 06. 11. 2013.

³² Ibidem.

³³ Декларация Бальфура была утверждена на конференции союзнических держав в Сан-Ремо 24 апреля 1920 г. и спустя два года включена в текст мандата на управление Палестиной, выданного Лигой Наций Великобритании. Одновременно с получением мандата британский Верховный комиссариат по управлению Палестиной своим указом осуществил раздел страны по естественному руслу реки Иордан, и на ее восточном берегу было запрещено селиться евреям. Следовательно, вся территория исторической Палестины, расположенная к западу от Иордана, была открыта для еврейской иммиграции.

³⁴ Likud pushing bill to annex Jordan Valley / The Jerusalem Post, 12.26.2013.

контроль почти над всей территорией Западного берега. Отторжение Иорданской долины от Западного берега исключает саму возможность создания полноценного палестинского государства.

На очередном раунде переговоров, состоявшемся 31 января 2014 г., М. Индик впервые поднял вопрос о свопах, пропорции которых совпадали с теми, что предлагали израильтяне в Табе в 2001 г. Он заявил, что в рамках будущего соглашения о мире США готовы признать расширение границ Израиля за счет присоединения 6 % территории Западного берега, на которой сейчас проживают 80 % поселенцев. При этом допускалось присутствие израильских войск и сил безопасности на границах Западного берега с Иорданией. Израиль настаивал на распространении своего суверенитета на 10 % палестинской территории, в то время как палестинские переговорщики соглашались на размен только 3 % и на передачу контроля над границей с Иорданией военным из США и других стран НАТО³⁵. Израильская делегация также требовала от палестинцев признания Израиля в качестве «еврейского государства». Но палестинцы возражали, считая, что сам факт признания Израиля Организацией освобождения Палестины состоялся уже дважды – в 1988 и 1993 гг. Они также указывали на то, что при подписании мирных договоров и договоров о взаимном признании между Израилем и Иорданией и Египтом от последних никто не требовал определения Израиля как «еврейского государства».

28 марта Израиль отказался освободить очередную группу палестинских заключенных и провел тендеры на строительство 708 единиц жилья в Восточном Иерусалиме, что палестинцы квалифицировали как нарушение обязательных условий для продолжения переговоров. М. Аббас отказался от моратория на проведение соответствующих процедур по аккредитации территорий, контролируемых ПНА, в 15-ти международных организациях. Переговоры вновь оказались на грани срыва.

Две недели Дж. Керри пытался убедить лидеров Израиля и ПНА «спасти мирный процесс». США даже выразили готовность выпустить на свободу израильского агента Джонатана Полларда, арестованного ещё в 1987 г. за передачу секретных документов Израилю и приговорённого к пожизненному заключению в американской тюрьме. Американская сторона обещала передать 4 млрд долл. для развития палестинской экономики [12, р. 18]. Однако все усилия Дж. Керри были тщетны. 23 апреля 2014 г. палестинские группировки ФАТХ и ХАМАС договорились сформировать правительство национального единства и провести новые выборы в Законодательный совет Палестины. Официальные лица ПНА заявили, что «палестинское единство будет только способствовать мирному процессу»³⁶. Реакция Израиля была незамедлительной и однозначной – «никаких переговоров с террористической организацией»³⁷. Были введены также жесткие экономические санкции против палестинцев, проживающих на Западном берегу, в том числе запрещено любое строительство в палестинском секторе в зоне «С»³⁸.

М. Индик возложил вину за провал переговоров на Израиль и лично Б. Нетаньяху, который, по его мнению, «не сделал ничего для того, чтобы хотя бы на фут продвинуть вперед мирный

³⁵ Abbas's Good Idea for Israel / Bloomerg, 03.02.2104.

³⁶ Hamas and Fatah unveil Palestinian reconciliation deal / BBC News, 24.04.2014.

³⁷ Sanctions and suspended talks – Israel responds to Palestinian reconciliation / Yediot Ahronot, 24.04.2014.

³⁸ Зона «С» или зона полного контроля Израиля на палестинской территории составляет 59 % всей площади Западного берега. Именно здесь расположены почти все еврейские поселения. К настоящему времени Израиль фактически завершил процедуру экспроприации земли у палестинцев на всей территории зоны «С» (3,4 тыс. кв. км), где расположены около 63 % пригодных для ведения сельского хозяйства земель Западного берега. С 2000 г. по настоящее время численность арабского населения сократилась на 11 %, и сейчас в зоне «С» насчитывается 150 тыс. палестинцев (около 5 % палестинского населения Западного берега). Из них 18,5 тыс. – бедуины, которые живут в этом районе не на постоянной основе. 60 % арабоязычного населения в зоне «С» не имеют постоянного доступа к источникам питьевой воды, и практически все палестинцы не имеют возможности получить разрешение от израильских властей на проведение строительных работ. Именно в этой зоне Израиль наиболее активно применяет практику разрушения палестинских домов, школ и сельскохозяйственной инфраструктуры. До запрета, введенного после провала переговоров под эгидой США в апреле 2014 г., территория легализованного строительства для палестинцев в зоне «С» составляла лишь 0,59 % от всей ее территории.

процесс»³⁹. Однако Госдепартамент США в официальном заявлении настаивал на том, что «обе стороны сделали все то, что в итоге можно назвать полной несостоятельностью»⁴⁰. Дж. Керри вынужден был признать, что его миссия завершилась безрезультатно: «К сожалению, подходящий момент снова упущен, мы снова оказались там, где были с самого начала»⁴¹.

Прекращение переговорного процесса сразу было использовано Израилем для развязывания очередной самой масштабной и дорогостоящей⁴² военной операции «Нерушимая скала» в секторе Газа, которая продолжалась 50 дней (с 7 июля по 26 августа). За время операции погибли 2 141 палестинцев, более 10 тыс. человек были ранены. Потери израильтян составили 69 человек, в их числе 64 военнослужащих, более 800 человек были ранены. В условиях отсутствия сдерживающих центров после провала переговоров Израиль получал также большие преимущества для раскручивания темпов строительства в поселениях на Западном берегу.

Сказанное выше доказывает, что урегулирование конфликта под эгидой США на сепаратной основе по кэмп-дэвидской схеме, удачно апробированной американской дипломатией при решении спорных вопросов между Египтом и Израилем в конце 1970-х гг., на палестинском треке не работает. Очевидно, что в ходе переговорного процесса при посредничестве Дж. Керри был допущен серьезный крен в сторону израильских политических интересов. Закономерным итогом провала американских инициатив, основанных на идее размена территориями, стала еще более серьезная дестабилизация обстановки в районе палестино-израильского противостояния.

Отметим, что тройственные переговоры при посредничестве США (29.07.2013–24.04.2014) изначально были обречены на неудачу. Пока у власти находится блок «Ликуд», Израиль ни при каких обстоятельствах не будет предпринимать конструктивных шагов для позитивного решения конфликта с палестинцами. В ближайшей перспективе израильское правительство, скорее всего, будет навязывать палестинцам план создания на территории, не превышающей 50–60 % территории Западного берега, «демилитаризованного палестинского государства», который заведомо будет отвергнут всеми палестинскими политическими партиями и организациями. Фактически эта идея – не что иное, как клон осуществленного Израилем в 2005 г. плана «одностороннего размежевания», поскольку ее реализация фактически означает установление режима полного контроля над территорией и населением Западного берега, то есть такого режима, который уже существует в секторе Газа.

Сформированное 14 мая 2015 г. при поддержке религиозно-националистических партий 34-е правительство Израиля во главе с Б. Нетаньяху объективно не может осуществить никаких серьезных подвижек во внутренней или внешней политике Израиля. Очевидно, что нынешняя правительственная коалиция будет по-прежнему стимулировать формирование необратимых реалий, исключающих решение палестино-израильского конфликта в рамках общепринятой в международном праве формулы «два государства для двух народов». По-прежнему будет нагнетаться антииранская атмосфера, будет продолжаться обременительная по финансовым затратам политика тотальной блокады сектора Газа и расширения поселенческой активности на палестинских территориях на Западном берегу. Переговорный процесс с палестинцами так и останется в тупиковом состоянии, а, следовательно, решение основных проблем окончательного статуса будет заморожено еще на неопределенное количество лет. Понимание безысходности только обостряет озлобленность палестинцев в отношении израильского истеблишмента, усугубляет и без того взрывоопасную

³⁹ US denies dismantling peace negotiators team / Yediot Ahronot, 05.06.2014.

⁴⁰ Marie Harf, Deputy Spokesperson of the State Department / Daily Press Briefing. – Washington, DC. May 5, 2014.

⁴¹ The Report on Israeli Settlement in the Occupied Territories. – Washington: Bimonthly Publication of the Foundation for Middle East Peace, March-April 2014. P 1.

⁴² Операция «Нерушимая скала», по предварительным расчетам, обошлась Израилю в 6,5 млрд шекелей (около 1,8 млрд долл.). На предыдущие подобные операции «Литой свинец» и «Облачный столп» было потрачено, соответственно, 3,57 и 2 млрд шекелей. (Финансовый ущерб от «Нерушимой скалы» . [Электронный ресурс новостного агентства News.ru.co.il]. – URL: <http://www.newsru.co.il/finance/09jul2014/nezek309.html>).

ситуацию в регионе и ведет к дальнейшей эскалации напряженности и поляризации между палестинцами и израильтянами. Принципиальное нежелание правительств, возглавляемых Б. Нетаньяху, идти на какие-либо уступки палестинцам в итоге привело к предсказуемому всплеску насилия между конфликтующими сторонами осенью 2015 г., который многие политические обозреватели и аналитики связывают с началом третьей интифады.

ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ АРАВИЙСКИХ МОНАРХИЙ

Относительное спокойствие наблюдается в аравийских монархиях. Они (за исключением Бахрейна) пока остаются вне зоны арабской «оттепели». Властям этих стран удается сохранять политическую и социальную стабильность, в основе которой многие годы было сочетание трех факторов. Во-первых, доходы от экспорта углеводородов дают возможность устранять реальные и потенциальные очаги социального протеста. Во-вторых, режимы поддерживают союзнические отношения с консервативными религиозными кругами и лидерами племенных кланов. В-третьих, национальная безопасность гарантируется западными державами, в первую очередь США.

Но в глубине обществ происходят сложные социально-экономические процессы. Перепроизводство энергоносителей через падение цен еще вернется бумерангом в эти страны. Несмотря на частичную модернизацию политических систем в странах ССАГЗ за годы существования этой организации, этот процесс идет медленно и носит «разноскоростной» характер. Остро стоит проблема передачи верховной власти, которая в КСА сосредоточена в руках представителей поколения 80–90-летних детей основателя государства, а в Катаре и Омане нуждалась в поиске преемников верховных правителей. Робкая и непоследовательная модернизация не трансформирует саму политическую элиту, продолжающую играть свою традиционную бедуинско-исламскую патриархальную роль «благодетеля» в отношении подданных [3, с. 48].

В ряде стран ССАГЗ довольно остро стоит проблема престолонаследия, так как здесь абсолютные или абсолютные теократические монархии (КСА) переживают период смены поколений.

Несмотря на определенный дефицит информации о внутривнутриполитических сдвигах в аравийских монархиях, можно сделать заключение, что ускорившаяся трансформация Арабского мира затронула и этот полуостров кажущегося спокойствия. Руководители стран ССАГЗ вынуждены ускорить преобразования, в том числе в упреждающем режиме, для предотвращения распространения «арабской весны» на своих территориях. Однако изменения происходят инерционно, не столь стремительно, как во многих других арабских странах.

В одних странах Аравийского полуострова предпринимаются меры для укрепления конституционных монархий дуалистического типа (Кувейт, Бахрейн, ОАЭ – с особой, специфичной для региона формой государственного управления в Эмиратах). Проблема престолонаследия здесь смещена на второй план по причине более «демократичной» процедуры смены верховного правителя. Основная борьба в высших властных структурах идет за контроль над расстановкой государственных чиновников в силовых ведомствах и других ключевых органах власти. Противостояние между различными кланами дополняется растущими требованиями зарождающегося гражданского общества ограничить властные полномочия монархов. В долгосрочной перспективе это может привести к трансформации конституционных дуалистических монархий в парламентские монархии. Однако трудно представить, что в ближайшие годы на полуострове возникнут аналоги современных европейских монархий.

В остальных странах ССАГЗ проблема престолонаследия стоит довольно остро, так как здесь абсолютные или абсолютные теократические монархии (КСА) переживают период смены поколений. Если в Катаре такая смена уже произошла, то в Саудовской Аравии и Омане осуществляется (явно или в скрытой форме) подготовка столь важных для этих стран перемен. Прогнозируя развитие ситуации в КСА, Омане и Катаре, пока нет оснований предполагать, что после смены поколений здесь изменится форма монархического правления и возникнут условия для учреждения конституционной монархии. На преодоление инерции абсолютизма уйдет немало лет.

Кончина короля Абдаллы 23 января 2015 г. привела к изменению в расстановке сил в саудовском руководстве, но не в системе престолонаследия. Вступивший 23 января 2015 г. на престол король Салман бен Абдель Азиз произвел перестановки в высших эшелонах власти КСА. Как и можно было предположить, в соответствии с распоряжением предшественника Салмана, наследником престола стал принц Мукрин. Вопреки предположениям некоторых экспертов место наследника (заместителя) наследника занял не старший сын скончавшегося монарха принц Мутъиб, а принц Мухаммед бен Найеф. Так в Королевстве прошел мягкий переход власти.

На личности бен Найефа стоит остановиться особо. Он родился в 1959 г., приходится племянником Мукрину, является выходцем из клана Судейри. Его многие уже сейчас называют самым влиятельным после короля человеком в КСА. Он сохранил за собой все предшествующие посты и получил пост второго заместителя премьер-министра. Таким образом, клан Судейри опять выдвигается вперед. Два из трех силовых ведомств оказались под их контролем. Мухаммед бен Найеф считается реформатором и относительным либералом. Вполне возможно, что он будет первым саудовским монархом с западным образованием. Мухаммед бен Найеф, возглавляя Министерство внутренних дел, держит руку на пульсе страны, имеет прочные связи с Западом [1].

Влияние принца Мутъиба и его братьев будет в значительной степени меньше, чем это было при короле Абдалле. Король Салман начал продвигать своего сына Мухаммеда в эшелонах власти – последний возглавил Министерство обороны КСА.

29 апреля 2015 г. вышли новые королевские указы, в соответствии с которыми принц Мукрин подал в отставку с поста наследника престола, а на этот пост был назначен принц Мухаммед бен Наефа (сохранивший за собой пост министра внутренних дел). Наследником наследника престола стал сын правящего монарха принц Мухаммед бен Салман, сохранивший пост министра обороны.

Каким образом смена поколений в семье Саудитов может отразиться на системе государственного управления и внешнеполитической ориентации королевства? В результате изменения соотношения сил в правящей элите может произойти дестабилизация власти, чем воспользуется внесистемная оппозиция. Сдвиги во внутренней и внешней политике Королевства многие связывают с приходом на трон наследника – М. бен Найефа. Во внешнеполитической области кадровые перемещения могут привести к позитивным изменениям в политике КСА в отношении Ирана, Ирака и Сирии.

В целом в КСА, очевидно, продолжится тенденция к включению в саудовский политический истеблишмент выходцев из рядов разночинного «образованного класса». Так, выходцы из рядов этого «класса» заняли посты министров труда, экономики и планирования, здравоохранения и председателя Комитета по делам радиовещания и телевидения. Весьма вероятны изменения и на уровне подразделений Министерства образования.

Однако, как отмечает российский востоковед Г.Г. Косач, «новое состояние политической системы страны будет созидаться из элементов традиции, когда союз власти и улемов остается центральным звеном политической системы, в которую медленно вписываются современные центры влияния, представленные «образованным классом» [2].

После того как механизм престолонаследия в КСА утратит свою специфику и станет соответствовать модели соседних абсолютных монархий (этот процесс близок к завершению), перед новым поколением правителей встанут иные, напрямую не связанные с передачей верховной власти задачи. В Катаре новый эмир уже с этим столкнулся. Задачи следующие:

- вести поиск консенсуса в позициях различных близких к власти кланов для предотвращения противодействия политике монарха и его ближайшего окружения;
- активизировать борьбу с коррупцией и хищениями, реформировать аппарат государства и произвести чистку в рядах чиновничества;
- ввести в неконфликтное русло диалог с представителями «образованного класса»;
- урегулировать или хотя бы снизить остроту имеющихся этно-конфессиональных противоречий (в первую очередь между суннитами и шиитским меньшинством);
- ускорить перестройку хозяйственной жизни в направлении диверсификации

- источников дохода и расширения экономической базы народного хозяйства, основой которого все еще остается производство нефти и нефтепродуктов⁴³;
- противостоять терроризму; КСА и Катар уже начали отходить от широкой поддержки исламистов экстремистского толка, справедливо полагая, что террористическая активность рано или поздно перекинется и на территорию монархий;
 - вести непростые переговоры о будущей трансформации Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в «союз – *иттихад*»;
 - в области международных отношений – создавать систему коллективной региональной безопасности, на основе многовекторной политики выстраивать новые альянсы; определенное охлаждение в союзнических отношениях с США заставляет нефтяные монархии укреплять связи с государствами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, с Россией (в 2015 г. руководство КСА начало форсировать политическое, экономическое и гуманитарное сближение с нашей страной).

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЙЕМЕНСКОГО КОНФЛИКТА

На юге Аравийского полуострова – в Йемене – большие надежды были связаны с созывом в марте 2013 г. Конференции по национальному диалогу (КНД) с участием ведущих политических партий и движений. КНД формально завершила свою работу в январе 2014 г. Ее результаты носили промежуточный характер, поскольку решение главного вопроса – о государственно-административном устройстве – было отложено и поручено президенту Хади, взаимодействующему с пятью представителями крупнейших политических партий. Для этого срок полномочий «технического президента» был продлен еще на 25 месяцев. При этом такие важные первоначально провозглашенные цели конференции, как обнародование проекта новой конституции, объявление дат конституционного референдума и выборов достигнуты не были. Декларирование положительных результатов при отсутствии окончательных договоренностей по будущей структуре государства не имело бы под собой прочной основы. После завершения конференции подготовка такой основы была возложена на президента и его окружение.

Созыв и проведение КНД отнюдь не означали прекращения военных конфликтов на территории страны. Усилия по национальному примирению предпринимались на фоне широкомасштабного наступления хауситов на севере и продолжения вооруженных выступлений и террористических актов на юге.

На завершающей стадии КНД и сразу после нее наиболее драматично складывалась ситуация на севере страны. Военные действия распространились на пять северных провинций – от саудовской границы вблизи Китафа до окрестностей йеменской столицы. Эта часть страны стала напоминать лоскутное одеяло, пересеченное множеством линий прекращения огня, постоянно меняющих свои очертания. Основные линии фронтов разделяли следующие силы: 1) клан Ахмаров, представляющий племенную конфедерацию Хашид, который мобилизует, оказывает военную и материальную помощь салафитским боевикам; его поддерживает генерал Али Мохсен Аль-Ахмар (родственных связей с кланом Ахмаров не имеющий) с его сторонниками в армейских частях провинции Амран и опосредованно, через племенные связи, партия «Ислах»; 2) боевые отряды хауситов в союзе с теми северными племенами, которые находятся в оппозиции к Ахмарам и «Ислаху» и поддерживают связи с «Всеобщим народным конгрессом» (ВНК) – партией бывшего президента Салеха.

Наступательная тактика хауситов принесла им военный успех. Установление в январе новой линии прекращения огня и победу в боях за Китаф можно считать крупной победой хауситов, заставивших салафитов отступить к Сане. Таким образом, вся провинция Саада опять перешла в руки движения «Хути». Более того, хауситы смогли, объединившись с частью

⁴³ Для КСА особая цель – сокращение потребления нефтепродуктов и газа, поскольку, как считает принц Мукрин, потребление этих источников энергии в королевстве значительно выше, чем в мире, что не может не оказывать отрицательного воздействия на экспорт саудовской продукции. Вести поиск альтернативных и возобновляемых источников энергии, включая «чистую энергию» – солнце, ветер или используемые в мирных целях ядерные реакторы. Расширить возможности труда для молодежи, взаимодействие между правительством и частным сектором с целью содействия росту капиталовложений национального частного капитала, капитала из стран Залива, а также иностранных инвестиций в созданные в различных регионах промышленные города.

нелояльных Ахмарам семей из конфедерации Хашид, вторгнуться в расположенную южнее провинцию Амран и 3 февраля 2014 г. разрушить семейный дом – резиденцию Ахмаров, что символизировало завершение многолетней гегемонии последних в объединении Хашид.

В результате центральное руководство страны утратило контроль над севером. Хауситы создают здесь свои органы власти, обеспечивают жителям безопасность. Несмотря на их обещания сдать центральным властям тяжелое вооружение и участвовать в национальном примирении, они, скорее всего, стремятся воссоздать в той или иной форме теократическое территориальное образование в этой части Йемена.

Перехватив военную инициативу и фактически оккупировав столицу, шииты выдвинули государственному руководству страны свои требования: выполнение основных решений КНД, включая передел собственности в соответствии с решениями конференции (разумеется, в свою пользу), отставка правительства и введение хауситов в органы исполнительной власти, понижение цен на топливо до докризисного уровня. Но главной их целью по-прежнему было устранение с политической и экономической сцены партии «Ислах» и поддерживающих ее внутренних сил.

В результате между шиитами и руководством страны 21 сентября 2014 г. было подписано соглашение о перемирии. В соответствии с ним правительство подало в отставку, Нефтяная государственная компания Йемена объявила о сокращении на 15 % цен на бензин и дизельное топливо. Принять последнее решение было весьма непросто, так как отмена субсидий в энергетическом секторе было основным условием МВФ при предоставлении Йемену финансовой помощи. Хауситы в свою очередь дали обещание отвести свои отряды из столицы и сдать захваченное вооружение.

По уже сложившейся в стране печальной традиции и это соглашение в целом не выполнялось. Отряды хауситов остались в Сане, продолжая контролировать въезды в город и стратегические объекты, захватывать дома жителей столицы для укрепления своих военных позиций. Они пытались установить контроль над нефтедобывающим районом Маариб в 120 км к востоку от столицы и выдвинулись к важному йеменскому морскому порту на Красном море – городу Ходейда⁴⁴.

Несмотря на явное смещение баланса сил в сторону шиитских вооруженных формирований и ослабление центральной власти, тренды дальнейшего развития ситуации на севере страны были неопределенными. Обращает на себя внимание пестрота противоречивых интересов и целей тех сил, как внутренних, так и внешних, которые прямо или косвенно вовлечены в йеменский конфликт. Каковы были позиции этих сил по состоянию на конец 2014 г.?

Шиитская община нанесла максимальный ущерб исламистам и существенно расширила контролируемую ею территорию, включая столицу государства. Политическая эпоха братьев Ахмаров и А. Мохсена фактически завершилась. Партию «Ислах» возглавили сторонники компромисса по решениям КНД – М. Катайси и А. Анси. Из внешних игроков от этого, безусловно, выиграл поддерживающий хауситов Иран. Бывшему йеменскому президенту Салеху руками шиитов удалось свести счеты с теми, кто поддержал «йеменскую революцию» и отстранил его от власти, усилить в стране позиции представителей своего клана и тем самым обрести новые возможности влияния на судьбы страны⁴⁵.

Президент Хади, опять же чужими руками, ослабил своих основных конкурентов в политической и экономической области – исламистов из партии «Ислах». Компромисс с Югом стал более реальным. Вместе с тем Хади и его окружение справедливо опасаются дальнейшего продвижения хауситов, памятуя об их стремлении вернуть себе власть, потерянную вместе с последним имамом в 1967 г.

В том, чтобы остановить хауситов, ограничить их политическую роль ослаблением йеменского аналога «Братьев-мусульман» заинтересован и наиболее включенный в ситуацию внешний игрок – КСА. Позиция этого государства вполне определена: «хауситы сделали свое дело, они могут уйти». Позиции саудовского руководства и йеменского

⁴⁴ Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (29 сентября – 5 октября 2014 г.) // Институт Ближнего Востока. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=22090>.

⁴⁵ Рябов П. П. Йемен: что стоит за перемирием с хауситами // Институт Ближнего Востока. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=22018>

президента (относительно необходимости ограничить влияние Ирана в Йемене и ввести активизацию шиитов на севере страны в определенные рамки) во многом совпадают, о чем свидетельствовали саудовско-йеменские переговоры на высшем уровне в сентябре 2014 г. Учитывая сохранение противоречивых интересов различных политических, религиозных и этнических групп в Йемене, саудовцы отстаивают план достижения компромисса между государственным руководством страны, хауситами, племенной верхушкой суннитских племен, бывшим президентом Салехом, южнойеменскими «харакат» путем достижения соглашения об альянсе на новом этапе развития политической ситуации. Это может стать продолжением национального диалога, но уже в условиях нового соотношения сил. Такой сценарий, предусматривающий ограничение контроля хауситов зейдитскими провинциями и недопущение создания иранского оплота в Йемене, устраивает и Соединенные Штаты.

28 ноября, наконец, было достигнуто соглашение о прекращении боевых действий на севере страны. Партия «Ислах» и движение «Ансар Алла» договорились сотрудничать в реализации решений КНД. Соглашение было достигнуто при посредничестве спецпосланника ООН в Йемене Дж. Бенномара и представителей ССАГЗ.

С начала 2015 г. конфликт вышел на новый уровень и перерос в стадию открытой гражданской войны. Президент страны Хади сначала подал прошение об отставке (22 января), а через три дня решил его отозвать. Позже он укрылся в своем дворце в Адене, откуда в марте бежал за границу.

22 марта Совет Безопасности ООН подтвердил легитимность президента Хади и призвал все стороны в конфликте воздерживаться от любых действий, подрывающих «единство, суверенитет, независимость и территориальную целостность Йемена».

На следующий день министр иностранных дел Йемена, действовавший по поручению президента Хади, обратился к арабским монархиям с просьбой о введении в страну контингента совместных вооруженных сил «Щит полуострова», образованных под эгидой Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.

26 марта король Саудовской Аравии Салман бен Абдель Азиз отдал приказ начать военную кампанию против хауситов, в которой принимают участие также Катар, Пакистан, Бахрейн, Кувейт, ОАЭ, Марокко, Иордания, Судан и Египет. Войска коалиции бомбят позиции повстанцев с воздуха и пытаются блокировать порты с моря, чтобы предотвратить подвоз оружия хауситам из Ирана. Тем не менее 6 апреля хауситы захватили Аденский порт.

В условиях продолжения позиционной войны какой-либо прогресс на мирных переговорах по йеменскому урегулированию в Женеве, которые были организованы по инициативе и посредничестве ООН, маловероятен.

США и их западные союзники сразу поддержали силовую акцию против хауситов, в очередной раз продемонстрировав, что у них отсутствует единообразный подход к квалификации международных конфликтов. Если на Украине они однозначно поддержали силы, организовавшие и осуществившие вооруженный переворот против законно избранного президента этой страны, то в Йемене в схожей с международно-правовой точки зрения ситуации они выступили против повстанцев, на стороне свергнутого и укrywшегося за границей президента этой страны.

Примечательно в связи с этим, что еще в январе 2015 г. США приняли решение о замораживании контртеррористической операции против «Аль-Каиды» в Йемене в связи с захватом столицы страны Саны шиитскими отрядами, ориентирующимися на Иран.

По мнению экспертов, события в Йемене укладываются в логику того, что называется «большой суннито-шиитской войной», где одну сторону поддерживает Иран, а другую – Саудовская Аравия. США в этой ситуации оказываются в сложном положении, так как где-то они осторожно поддерживают суннитов и своего традиционного союзника – Саудовскую Аравию, а где-то, как в Ираке, вынуждены поддерживать шиитов в их борьбе с ИГИЛ, по сути дела, вступить во временный фактический союз с Ираном.

Дополнительную сложность ситуации в Йемене добавляет то обстоятельство, что страна давно «инфильтрована» «Аль-Каидой». Единственной силой, помимо южан, выигрывающей от нынешней гражданской войны, являются сторонники «Аль-Каиды», которые после ослабления силовых структур А.М. Хади, установили контроль над очень значительной территорией от Хадрамаута и Абьяна до Мариба. Эта организация может получить реальное

преимущество в случае разгрома хауситов, став фактической хозяйкой Йемена, который, в свою очередь, рискует превратиться в «несостоявшееся государство» и очередную «черную дыру» безвластия на Ближнем Востоке.

Естественно, одним из основных факторов, мотивирующих Саудовскую Аравию и ее «заливных» союзников на активные действия в Йемене, является проблема нефтяного транзита через Баб-эль-Мандебский пролив, перспектива перекрытия которого йеменскими шиитами в случае полного захвата хауситами власти в стране может серьезно ударить по многокомпонентной нефтяной стратегии Эр-Рияда, включающей не только противодействие планам Ирана выйти на нефтяной рынок, но и борьбу с производителями сланцевой нефти в США и создание сложностей для традиционных экспортеров нефти на мировой рынок, к числу которых относится и Россия. Через пролив нефть идет в основном из стран Персидского залива на север в Европу и Северную Америку. Здесь проходит 3,8 млн барр/сутки нефти. Ширина Баб-эль-Мандебского пролива в самом узком его отрезке составляет 29 км, что затрудняет движение танкеров, для которых отведено два фарватера по две мили шириной – по одному для каждого направления. Блокирование этого морского прохода вынудит танкеры переориентироваться на маршрут вокруг Африки.

Среди сценариев возможной эскалации конфликта называют возможный марш-бросок хауситов в нефтеносную Восточную провинцию КСА, большинство населения которой составляют как раз шииты, с целью разжигания там «шиитской революции». Эти версии подтверждаются публичными высказываниями лидера «Хизбаллы» Х. Насраллы о том, что «хауситы готовы атаковать Саудовскую Аравию в любой момент». Однако военные эксперты отмечают ограниченность их военно-технических возможностей для наступления через обширные пустынные пространства КСА.

В то же время саудовско-иранская борьба за влияние на Южный Йемен вполне может завершиться его присоединением к КСА. Большинство южнойеменцев исповедуют суннизм. Сближает их с королевством и то, что многие жители Юга переправили туда свои семьи. Силу экономического притяжения Саудовской Аравии в этом отношении трудно переоценить. Для королевства же стратегически важным является возможный выход к Аравийскому морю, минуя иранскую угрозу в Ормузском проливе (основная часть саудовских внешнеторговых потоков проходит по морским путям). Как первый шаг к интеграции в состав КСА стратегически важной йеменской провинции Хадрамаут эксперты расценивают решение саудовских властей предоставить йеменцам, проживающим в Хадрамауте, права безвизового въезда в Саудовскую Аравию.

Что касается Ирана, то он, судя по всему, не собирается активно вмешиваться в йеменский конфликт, так как слишком озабочен ситуацией на сирийско-иракском направлении для того, чтобы отвлекать ресурсы еще и на йеменское направление. Именно в Ираке и Сирии Иран будет пытаться довести до конца противостояние с салафитскими просаудовскими и прокатарскими структурами. Кроме того, Тегеран не хочет осложнять свое международное положение в связи с предстоящим снятием с него санкций.

Одним из возможных последствий гражданской войны в Йемене может стать создание объединенных межарабских вооруженных сил, о чем было объявлено на саммите Лиги арабских государств (ЛАГ), состоявшемся в египетском городе Шарм-эль-Шейх в конце марта 2015 г.

Цель этих ВС – «быстрое военное вмешательство» в зонах региональных военных конфликтов, реагирование на возникающие угрозы безопасности. Иными словами, их главное предназначение – установление мира и восстановление власти государственных руководителей, пришедших к этой власти законным путем. Условие вмешательства – обращение за помощью к ЛАГ официальных властей тех или иных охваченных конфликтами арабских стран. Контингент совместных сил быстрого реагирования составит 40 тыс. военнослужащих, действия которых будут поддерживаться боевой авиацией и флотом. В коммюнике саммита предусмотрено добровольное участие в совместном военном формировании стран – членов ЛАГ. Таким образом, военная операция «Буря решимости», развернутая Саудовской Аравией и ее союзниками в Йемене, где большая часть страны оказалась под контролем хауситов, увенчается созданием еще одной общеарабской структуры, на этот раз военного назначения.

Эта информация стала своего рода сенсацией. Дело в том, что эффективность работы ЛАГ не раз вызывала критические оценки как в самом арабском мире, так и за его пределами. Напомним, что Лига арабских государств – это межправительственная организация, созданная в Каире 22 марта 1945 г. Это единственное общерегиональное интеграционное объединение на Ближнем Востоке. Кроме 18 арабских государств, в нее входят Сомали, Джибути, Коморские острова и Палестинская национальная администрация. Россия имеет статус наблюдателя при ЛАГ.

Оценивая перспективы использования вооруженных сил ЛАГ, хотелось бы надеяться, что эти формирования помогут урегулировать нынешние и потенциальные международные и внутривосточные конфликты в регионе. Их можно было бы рассматривать как будущий противовес НАТО в этой части мира, как инструмент урегулирования кризисных ситуаций не силами внешних игроков, а с помощью самих арабских стран.

Вместе с тем нельзя игнорировать наличие серьезных ограничителей в раскрытии миротворческого потенциала этого воинского контингента. Прежде всего, в деле достижения арабского единства на протяжении всей истории ЛАГ негативно сказывались противоречия между входящими в это объединение государствами.

Среди конфликтных ситуаций в Лиге можно вспомнить приостановку членства Арабской Республики Египет после заключения этим государством в 1979 г. мирного договора с Израилем, раскол в ЛАГ после оккупации Ираком Кувейта в 1990 г., аналогичную ситуацию во время американо-британской операции против Ирака в 2003 г. и проч.

Отметим, что создание наднациональных государственных и силовых структур приветствуют не все арабские страны. Например, в декабре 2011 г. саудовский монарх выступил с инициативой перейти в ССАГЗ от этапа сотрудничества к этапу союза, предполагающего частичный отказ от национального суверенитета. Идею поддержали не все члены ССАГЗ. Движение в этом направлении, скорее всего, будет продолжаться, но весьма медленными темпами, учитывая опасения партнеров КСА относительно дальнейшего усиления саудовского влияния.

Боевой потенциал совместных ВС будет ограничен неготовностью многих арабских стран полноценно участвовать в их создании, финансировании и укомплектовании. Скорее всего, эти части будут состоять из военнослужащих и боевой техники стран ССАГЗ и Египта. Другие страны ЛАГ, вполне возможно, воспользуются ст. 7 Устава Лиги, гласящей, что принимаемые Советом решения обязательны только для тех государств, которые за них голосовали. Страны часто не выполняют принятые резолюции, если те противоречат их интересам.

Весьма серьезное препятствие – разногласия по применению ВС в урегулировании конфликтов (в частности, в Сирии, Ираке, Йемене, Ливии), вызванные разными подходами членов ЛАГ к этим конфликтам. Пример таких разногласий приведен выше – они касаются оккупации Ираком Кувейта в 1990 г.

Позицию России по конфликту в Йемене озвучил министр иностранных дел С.В. Лавров, который подчеркнул в ходе своего выступления на пресс-конференции в Москве 31 марта 2015 г., что российский подход заключается в необходимости остановить любое применение силы. Обе стороны должны незамедлительно прекратить любое вооруженное сопротивление и возобновить переговоры, которые велись между ними до перехода конфликта в «горячую фазу». Есть понимание, что переговоры должны проходить на нейтральной территории. Еще один важный момент российской позиции состоит в том, что если посмотреть на региональный срез проблемы в геополитическом смысле, то совершенно очевидно, что нельзя допустить деградации ситуации, когда она перейдет в прямое противостояние между суннитами и шиитами. Об этом Россия говорит постоянно с начала «арабской весны», но, к сожалению, ее не слышат. Те, кто сейчас ведут дело к «горячему», силовому усугублению противостояния, берут на себя колоссальную ответственность за судьбы региона. Тем более Россия не может допустить, чтобы нынешняя ситуация в Йемене переросла в открытый вооруженный конфликт между арабами и Ираном⁴⁶.

Оценка современной сложной ситуации позволяет предположить, что наименее болезненный выход для Йемена – федерализация. Нынешняя унитарная система не работает. Здесь с определенными оговорками можно провести параллель с положением на Украине.

⁴⁶ http://www.mid.ru/maps/vu/-/asset_publisher/9NtLZ1DQ0DGC/content/id/1127596

ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОТСТАВАНИЯ

Среди проблем, требующих скорейшего решения на общерегиональном уровне – реформирование экономики. В научных публикациях и материалах СМИ по текущим событиям на Ближнем Востоке редко рассматривается экономическая составляющая кризисной обстановки в этом регионе, что не вполне обоснованно. Конечно, главная цель сегодня – остановить кровопролитие, достичь мира в Ираке, Сирии, Ливии и ряде других арабских стран. Но нельзя закрывать глаза еще на один вызов – *системное отставание стран региона в экономическом развитии*. Материальная основа цивилизации во многом определяет характер политической системы, конфликтный потенциал общества, степень удовлетворенности или неудовлетворенности населения условиями жизни и, наконец, характер международных отношений.

В последние десятилетия экономический рост и несбалансированность хозяйственной структуры оставались острейшими проблемами в стратегии рыночных реформ в большинстве стран региона. Длительность и незавершенность до настоящего времени процесса структурной адаптации региональной экономики к изменившейся мирохозяйственной ситуации проистекают из высокого уровня этатизации хозяйственного механизма ближневосточных стран, что типологически сближает их подобно тому, как географическое положение определяет сходство природно-климатических условий этих государств.

Проблемы, с которыми сегодня сталкивается Ближний Восток – недостаточно высокий профиль участия в международном разделении труда; ослабление сравнительных преимуществ промышленности на мировых рынках вследствие неравномерности распространения в мире научно-технических достижений (по высокотехнологичной продукции у подавляющего большинства ближневосточных стран практически отсутствуют какие-либо сравнительные преимущества); негибкость хозяйственного механизма, чрезмерное огосударствление которого не позволяет оперативно реагировать на частые изменения внешнего спроса; нарастание внешней задолженности. Вследствие демографического бума экономика не в состоянии абсорбировать миллионы выходящих на рынок труда новых работников, что создает питательную среду для международного терроризма.

Лишь странам, специализирующимся на добыче углеводородов, удавалось избежать резкого обострения внутриэкономической ситуации и минимизировать экономическую составляющую оппозиционных настроений.

Экономические и политические тренды в регионе во многом обусловлены тем, что БВСА остаются мировым резервуаром энергетического сырья, за доступ к которому идет жесткая конкурентная борьба между основными центрами экономической силы, представляющими как Запад, так и Восток. При этом капиталоизбыточные страны остаются «на плаву», в то время как основная часть арабского мира зашла в своем социально-экономическом развитии в тупик. Отрыв от развитых стран усугубляется последствиями «арабской весны». Так, роль Египта как лидера арабского мира в политическом и особенно в экономическом плане ослабела: сократились темпы прироста ВВП (до 2–4 %), обнажились застарелые проблемы, связанные с безработицей, социальным обеспечением и государственным долгом.

В то же время в будущем происходящие геополитические сдвиги могут стимулировать создание региональных полюсов относительно сбалансированного роста: саудовско-египетский альянс, Курдистан, Иран, представители развитого мира – Израиль и Турция.

Экспертное сообщество в отдельных странах и в международных экономических организациях занимается проработкой возможных сценариев преодоления отсталости многих ближневосточных стран, создания в них эффективных моделей рыночных реформ с учетом национальной специфики. Если кратко, суть этих планов состоит в восстановлении жизнеспособной экономики в два этапа. Первый – решение проблемы трудоустройства и повышения жизненного уровня широких масс населения путем организации общественных работ, осуществлении инфраструктурных проектов, ликвидации городских трущоб и широкого жилищного строительства. Второй – структурная перестройка экономики и сокращение уровня этатизации хозяйства. Переходить к решению второй группы задач можно еще до завершения первого этапа.

* * *

Завершая анализ, приходится констатировать попытки если не полностью вытеснить Россию с ближневосточного политического и экономического поля, то, во всяком случае, существенно ослабить позиции нашей страны в регионе. Количество стран, которые традиционно относились к числу российских партнеров и союзников, существенно сократилось. Для восстановления и укрепления влияния России необходимо сохранять многовекторный, сбалансированный подход и энергично действовать сразу по нескольким направлениям:

- вносить свой вклад в укрепление системы региональной безопасности, выступать посредником в разрешении региональных конфликтов;
- осуществить прорыв в хозяйственных связях с регионом, в первую очередь на основе инвестиционного и технологического сотрудничества;
- развивать гуманитарные контакты со странами региона, в том числе по линии конфессиональных связей; способствовать формированию здесь лоббистских групп, поддерживающих сближение с Россией;
- вести поиск стратегических партнеров в третьих странах, заинтересованных в совместных действиях на Ближнем и Среднем Востоке; среди таковых перспективными представляются государства БРИКС, союзники России на постсоветском пространстве, некоторые латиноамериканские страны, отдельные страны ЕС.

Там, где острая конфликтная ситуация сохраняется, в интересах России способствовать урегулированию конфликтов на основе сложившейся системы международных правовых норм и Устава ООН. Официальная позиция России строится на недопущении военного, политического и информационного вмешательства во внутренние дела ближневосточных и иных стран. В этом плане нынешний твердый курс относительно ситуации в Сирии и вокруг нее может рассматриваться в качестве перспективной модели российской внешней политики в регионе в целом.

Для России важно сохранить существующую международную правовую систему. На Ближнем Востоке Россия защищает не отдельные режимы, а существующее международное право – если оно будет уничтожено, мир погрузится в хаос и будет руководствоваться только правом силы. Поэтому для России целесообразно продолжить блокирование попыток США, ряда западноевропейских и арабских стран свергнуть легитимные режимы посредством поощрения оппозиционных сил, зачастую связанных с радикальными исламскими и террористическими группировками.

Представляется необходимым под эгидой ООН принять комплексную программу борьбы с международным терроризмом в различных частях мира. Для Ближнего Востока жизненно важным является создание системы коллективной безопасности, мер доверия. На сегодняшний день наилучший гарант отказа от применения силы – Совет Безопасности ООН.

THE REGIONAL SITUATION IN THE MIDDLE EAST: CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Alexander Krylov, PhD (History), Leading Researcher, Center for Middle East Studies, IIS, Professor at the Department of World Politics, MGIMO University. 119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow.

E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Andrey Fedorchenko, PhD (Economics), Director Center for Middle Eastern Studies, IIS, MGIMO-University, 76 Vernadsky Ave., 119454. Moscow.

E-mail a.fedorchenko@inno.mgimo.ru

Summary

The article analyzes the main trends that determine the dynamics of transformation processes and the

future of the entire Middle East region. Projected scenarios are examined through the prism of Russian foreign policy and strategic interests.

It has become even more evident that the American scheme of the new world order, including the Middle East, is unviable. Strengthening of Islamic radical organizations and expanded range of their activities were connected with the coming to power of the Obama administration. In Iraq, Syria, the former confrontation has entered a new phase and become even more acute. In 2014, «Islamic State» (ISIS) has begun a large-scale expansion, as a result of the bloody battles part of the territory of these countries came under the control of the Islamists. The effectiveness of the fight against the ISIS is due to a combination of political, military, economic and social measures. Furthermore, it should be coordinated internationally. The coordination of anti-terrorist activities of Russia with the countries of East and West can bring positive results.

Resolving of the Israeli-Palestinian conflict has reached a deadlock. The fundamental unwillingness of governments, led by Benjamin Netanyahu, to go to any concessions to the Palestinians eventually led to the predictable surge in violence between the conflicting parties in the autumn of 2015, which many political observers and analysts attributed to the beginning of the third intifada.

In the depths of the Arabian monarchies there are complex social and economic processes. In the period of generational change in some GCC countries the problem of succession is quite acute. In the south of the Arabian Peninsula an assessment of the current difficult situation in Yemen suggests that the least painful exit for this country is federalization. In the final part of the article the system lag of the region in economic development is considered as a further challenge to the states of the Middle East.

Key words: Middle East, Middle East settlement, radical Islam, “the Arab Spring”, Syria, Iraq, Libya, Egypt, Arabian monarchies, Yemen, Israel, the territories controlled by the Palestinian National Authority, the economy of the Middle East.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Железнов А.А. Король Сальман бин Абдель Азиз и новый баланс сил в саудовском руководстве. [Электронная версия]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=23358>
2. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: перемены на вершине политического руководства. [Электронная версия]. URL to article: <http://www.iimes.ru/?p=24362>
3. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг. – М., 2013.
4. Крылов А.В. Израильские поселения в обмен на резолюцию по Ирану // Веб ресурс Интернет-портала МГИМО МИД России. – URL: <http://www.mgimo.ru/news /experts/document119593.phtml>
5. Крылов А.В. Предстоящие выборы в Израиле и перспективы ближневосточного урегулирования // Веб ресурс Интернет-портала МГИМО МИД России – URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document229148.phtml/>
6. Крылов А.В. Противодействие стран ЕС поселенческой политике Израиля: мифы и реальность // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2014. № 6. С. 161–173.
7. Крылов А.В., Сорокина Н.М. Анализ основных документов палестино-израильского переговорного процесса после подписания Норвежских соглашений (1996–2001 гг.) // Аналитические доклады ИМИ. Вып. 1 (25). – М.: МГИМО-Университет, 2011.
8. Крылов А.В., Федорченко А.В. Многовариантный прогноз развития ситуации в регионе БВСА // Аналитические доклады ИМИ. Вып. 1 (40). – М.: МГИМО-Университет, 2014.
9. Федорченко А.В., Крылов А.В. Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов // Аналитические доклады ИМИ. Вып. 3 (33). – М.: МГИМО-Университет, 2012.
10. Dauthat R. Grading Obama’s Foreign Policy // The New York Times, May 17, 2014.
11. Fisher M. Political science says Syria’s civil war will probably last at least another decade // The Washington Post. 23.10.2013. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2013/10/23/political-science-says-syrias-civil-war-will-probably-last-at-least-another-decade/>
12. Fuglestad D., Heyn H.M. The History in the Context of the 2013 John Kerry Peace Efforts. Konrad-Adenauer-stiftung. August 16, 2013.
13. Guidelines on the eligibility of Israeli entities and their activities in the territories occupied by Israel since June 1967 for grants, prizes and financial instruments funded by the EU from 2014 onward // Official Journal of the European Communities. July 19, 2013. No C 205/05.

14. *Kettani H.* Muslim Population in Europe: 1950–2020 // International Journal of Environmental Science and Development (IJESD). 2010. Vol. 1. № 2.
15. Land Swaps — a Guide. Report on Israeli Settlement // Foundation for Middle East Peace: Washigton. Vol. 23. No. 4, July–August 2013.
16. *Lind S.W.* Turning Libya into Somalia // The American Conservative, May 18, 2011.
17. *McCarthy A.* Spring Fever: The Illusion of Islamic Democracy. — N.Y., 2012.
18. *Rubin B.* The Secret Document That Set Obama’s Middle East Policy // Электронный ресурс Центра изучения международных проблем Глория — URL: <http://www.gloria-center.org/2013/03/the-secret-document-that-set-obamas-middle-east-policy/>
19. The Humanitarian Impact of the Barrier: Four Years After. The Advisory Opinion of the International Court of Justice on the Barrier. East Jerusalem: The UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA). July 2008. URL: http://www.ochaopt.org/documents/barrier_report_july_2008.pdf